

ЗАДА 5
ШКАФЪ 13
ПОЛКА 1 № 142

ЗАДА 5
ШКАФЪ
ПОЛКА 1 № 116

Даръ на Царя 218

ОТЧЕТЪ

О ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1859 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:
Н. Глазунова, въ С. П. Б. и въ Москвѣ, П. Должикова, въ Киевѣ,
Эггерса и Комп., въ С. П. Б. Эвлянджана и Комп., въ Тивелсѣ,
Сам. Шмидта, въ Ригѣ.

Цена 25 коп. сер.

№ 208.

ОТЧЕТЪ

О ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

25 Сентября 1859 года.

[Handwritten signatures in blue ink]

[Circular stamp: КОМПЕТЕНТНЫЙ КОМИТЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. и въ Москвѣ, П. Должикова, въ Киевѣ,
Эггера и Комп., въ С. П. Б. Энфанджанца и Комп., въ Телелісѣ.
Сам. Шмидта, въ Ригѣ.

Цена 25 коп. сер.

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0296845

315

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Отчетъ о третьемъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ *К. С. Веселовскимъ*. . . . . 1—14

Разборъ сочиненія Г. Лешкова, подъ заглавіемъ: Русскій народъ и государство, исторія Русскаго общественнаго права до XVIII вѣка, составленный Профессоромъ *Ив. Дм. Бялевымъ* . . . . . 15—64

Разборъ сочиненія А. Энгельмана, подъ заглавіемъ: Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи XIII и XIV столѣтій, составленный Академикомъ *М. П. Шогдинымъ* . . . . . 65—75

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1839 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

315 946

ОТЧЕТЪ

0

ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

УВАРОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНИИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,

ИСПРАВЛЯЮЩИМЪ ДОЛЖНОСТЬ НЕПРЕРЫВНАГО СЕКРЕТАРЯ

АКАДЕМИКОМЪ *К. С. Веселовскимъ.*

25 Сентября 1859.

Нынѣшній годъ есть третій — существованія Уваровскихъ наградъ и въ третій разъ не оказалось возможнымъ увѣнчать ни одно изъ драматическихъ сочиненій, бывшихъ на состязаніи. Такой результатъ не составляетъ для Академіи неожиданности, равно какъ не можетъ удивлять никого, кто вникъ въ мысль учредителя, положенную въ основаніе начертанныхъ имъ правилъ о наградахъ. Онъ желалъ, чтобы наградъ были удостоиваемы не такія литературныя произведенія, которыя были бы признаны лишь лучшими изъ представленныхъ на состязаніе, — не такія, которыя имѣютъ или могутъ имѣть лишь сценической успѣхъ, часто основанный на второстепенныхъ достоинствахъ пьесы и на случайныхъ обстоятельствахъ; но созданія вполне художественныя, соответствующія требованіямъ строгой критики и имѣющія безусловное литературное достоинство. Поэтому-то для наградъ, назначенныхъ для драматическихъ произведеній, учредитель и не допускаетъ постепенностей: онѣ могутъ быть только полныя.

На нынѣшній конкурсъ театральныхъ пьесъ, представлено на судъ Академіи лишь два сочиненія; и оба они, какъ по приговору постороннихъ рецензентовъ, избранныхъ изъ отличнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, такъ и по мнѣнію Членовъ Коммисіи, не соответвуютъ означенной нормѣ, не смотря на то, что въ одномъ изъ нихъ, не лишенномъ нѣкоторыхъ до-

стоинствъ, обнаруживается знаніе сценическихъ условій и что поэтому оно, весьма вѣроятно, будетъ имѣть хотя временный успѣхъ на театрѣ.

Сочиненій по Русской Исторіи представлено было, для соисканія, пять; изъ нихъ двумъ присуждены Коммиссіею малыя преміи, въ 500 руб. каждая. Эти сочиненія суть: 1) Г. Лешкова: *Русскій народъ и государство. Исторія Русскаго общественнаго права до XVIII столѣтія*; и 2) Ав. Энгельмана: *Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской Исторіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ*.

Разсмотрѣніе перваго изъ нихъ было поручаемо г. профессору Московскаго Университета Ив. Дм. Бѣляеву. Въ представленномъ имъ пространномъ разборѣ, рецензентъ изложилъ какъ сущность содержанія труда г. Лешкова, такъ и оцѣнку главныхъ его выводовъ и положеній.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самое заглавіе книги — *Исторія Русскаго общественнаго права*, такъ какъ терминъ *общественное право* является здѣсь въ употребленіи въ первый разъ и такъ какъ объемомъ понятія, съ нимъ соединяемаго, опредѣляется самое содержаніе сочиненія. Объясненію общихъ понятій о предметѣ и значеніи общественнаго права авторъ и посвящаетъ первую главу своей книги. Смотря на трудъ г. Лешкова исключительно съ точки зрѣнія исторической, мы не считаемъ нужнымъ входить въ разборъ этой первой, такъ сказать догматической статьи; но замѣтимъ, что общественное право г. Лешкова есть собственно право полицейское, въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ вошелъ въ употребленіе у юристовъ. Съ этимъ согласенъ и рецензентъ, который, однакоже, видитъ въ этомъ измѣненіи названія «свидѣтельство о правильномъ пониманіи предмета», такъ какъ вводимый г. Лешковымъ терминъ «вѣрнѣе очерчиваетъ кругъ или объемъ науки, и такъ сказать проливаетъ новый свѣтъ на самое дѣло.» Предоставляя юристамъ рѣшить въ какой степени это нововведеніе необходимо и полезно для науки, переходимъ къ

исторіи Русскаго общественнаго права, которую авторъ дѣлитъ на два періода: первый до Русской Правды включительно и второй — до начала XVIII столѣтія, и которую онъ начинаетъ положеніемъ, что каждый народъ находится подъ влияніемъ своей особой идеи, составляющей, по его выраженію, *красную нитку* въ его исторіи, и представляющей отличительную черту одного народа отъ другихъ. Такую отличительную черту въ Русскомъ народѣ авторъ находитъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ, въ способности составлять общины, постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все при посредствѣ общины. Такое указаніе на общинный бытъ, какъ на отличительную черту Русскаго народа, рецензентъ находитъ вполне согласнымъ съ самымъ дѣломъ, съ исторіею нашего отечества, которую, по его мнѣнію, нельзя иначе объяснить, какъ общиннымъ бытомъ, что доказано несостоятельностью всѣхъ попытокъ къ объясненію нашей исторіи изъ другихъ началъ и тою удовлетворительностью, которую авторъ, по признанію рецензента, представилъ въ настоящемъ изслѣдованіи. Этимъ объясненіемъ, съ перваго приступа, обозначается точка зрѣнія и автора и рецензента на Русскую исторію. И такъ мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ приверженцами той теоріи, по поводу которой возникло въ новѣйшее время такое рѣзкое разединеніе между занимающимися Русскою исторіею. Такого свойства исторіи, что она всегда и вездѣ служила арсеналомъ, изъ котораго самыя противоположныя политическія воззрѣнія равно заимствовали оружіе для своей опоры. Принадлежность историка къ той или другой школѣ не исключаетъ, однако, для него возможности оказать истинныя услуги исторической наукѣ; напротивъ, антагонизмъ, контроверса, поддерживаемая даже нѣкоторымъ пристрастнымъ увлеченіемъ, всегда большею частью обращались въ пользу интересовъ науки, содѣйствуя къ проясненію темныхъ и спорныхъ историческихъ вопросовъ. Поэтому для Академіи, поставленной быть судьей состязающихся сочиненій, — судьей, для котораго безпристрастіе есть первый за-

конъ, одинъ лишь слишкомъ исключительный взглядъ г. Лешкова на Русскую исторію не могъ, самъ по себѣ, быть достаточнымъ поводомъ къ отказу въ преміи. Весь вопросъ, слѣдовательно, заключался въ томъ, что существеннаго принесло сочиненіе г. Лешкова изслѣдованію отечественныхъ древностей.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы послѣдуемъ за ученымъ рецензентомъ. Авторъ начинаетъ Исторію Русскаго общественнаго права изслѣдованіемъ о значеніи и постепенномъ развитіи древнѣйшей Русской общины въ формѣ *верви*; это изслѣдованіе, по мнѣнію рецензента, «представляетъ весьма замѣчательное «явленіе въ нашей исторической литературѣ; оно такъ согласно съ требованіями науки, что съ нимъ нельзя не согласиться. Авторъ, въ своемъ изслѣдованіи, твердо стоитъ на исторической почвѣ и живо изображаетъ картину древней верви, картину «необходимую для изслѣдованій о древнемъ бытѣ Русскаго общества, картину, служащую основаніемъ и точкою отправленія для вѣрнаго пониманія всѣхъ послѣдующихъ явленій общественного быта на Руси. Изслѣдованіе о древней верви въ «нашей литературѣ является здѣсь въ первый разъ, и является «въ удовлетворительной полнотѣ и ясности. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ можно еще не согласиться съ авторомъ, но противъ «общаго впечатлѣнія спорить нельзя». Предъявивъ свои возраженія противъ взгляда г. Лешкова о томъ, что древнѣйшею формою верви была сельская община, изъ которой позже произошли города, рецензентъ находитъ, что послѣдующія затѣмъ разысканія автора о Русской Правдѣ раскрываютъ «въ этомъ «памятникѣ рѣшеніе многихъ вопросовъ общественнаго права и «впервые проливаютъ свѣтъ на такой отдѣлъ нашей исторіи, «къ которому прежніе изслѣдователи даже и не подходили. Г. «Лешковъ, по замѣчанію рецензента, первый взглянулъ на «Русскую Правду со стороны общественнаго права, и взглядъ «его имѣетъ на своей сторонѣ вѣрное пониманіе предмета и «умѣніе раскрывать памятники».

Второй періодъ своей исторіи общественнаго права, отъ

Русской Правды до начала XVIII столѣтія, авторъ начинаетъ указаніемъ на связь послѣдующаго законодательства съ Русскою Правдою и затѣмъ переходитъ къ опредѣленію значенія семьи, общины и государства, и къ ихъ отношеніямъ другъ къ другу во время втораго періода. «Здѣсь», по мнѣнію рецензента, «авторъ метко и вѣрно опровергаетъ тѣхъ писателей, которые «утверждаютъ, что удѣльное время положило основаніе и начало «развитію вотчинности князей и кормленія бояръ, въ томъ «смыслѣ, что князья были не государями, а господами народа, «бояре же и князіе мужи не были правителями областей, а «только сборщиками въ нихъ разныхъ доходовъ». Указавъ сущность доводовъ автора, рецензентъ заключаетъ, что г. Лешковъ, «своимъ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ, до- «бросовѣстнымъ изслѣдованіемъ и глубокимъ пониманіемъ предмета, съ полною ясностію доказалъ несостоятельность и по- «верхностность мнѣній и началъ, представляемыхъ его противниками и настоящее его изслѣдованіе, навѣрное, останется «руководствомъ для послѣдующихъ изслѣдователей».

Слѣдуя за авторомъ, критикъ представляетъ затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ результаты изысканій г. Лешкова относительно историческаго развитія, во второмъ періодѣ, законовъ благоустройства, названныхъ имъ законами установительными, и къ которымъ онъ отнесъ попеченія о народонаселеніи, постановленія о личномъ и семейномъ правѣ, о путяхъ сообщенія, о ямской гоньбѣ и почтахъ, о разныхъ видахъ промышленности и о народномъ образованіи. Г. Бѣляевъ въ особенности указываетъ на положенія автора относительно весьма ограниченаго объема, въ какомъ существовало въ Россіи рабство въ этомъ второмъ періодѣ. Не отвергая существованія его въ древней Россіи, г. Лешковъ доказываетъ, что оно сравнительно было незначительно и не имѣло, въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, широкихъ основаній для своего развитія, и это положеніе, по отзыву рецензента, «основано на прямыхъ «и ясныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ и на глубокомъ ихъ

«изученіи». Относительно изслѣдованій автора о ямской говѣбѣ и почтѣ, г. Бѣляевъ замѣчаетъ, что они отличаются предъ другими изслѣдованіями о томъ же предметѣ особенною полнотою собранныхъ свѣдѣній и умѣніемъ автора допытываться настоящаго смысла отъ древнихъ актовъ, а относительно статьи о разныхъ видахъ промышленности заключаетъ, что она «представляетъ полную, разнообразную картину Русской промышленности стараго времени, и такую картину, каковой еще не представляла наша историческая литература. Авторъ не только умѣлъ собрать огромную массу свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но и умѣлъ собраннымъ свѣдѣніямъ дать научное значеніе и надлежащій смыслъ. У него нерѣдко небольшая и уже извѣстная грамота получаетъ весьма важное значеніе и раскрываетъ дѣло на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ; такъ, на примѣръ, извѣстная грамота Всеволода, данная въ XII вѣкѣ Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ, сличенная авторомъ съ разными подобными грамотами послѣдующихъ столѣтій «вплоть до Новоторговаго устава 1656 года, является почти руководствомъ для производства иностранной торговли во все послѣдующее время».

Въ отношеніи оцѣнки вліянія Монгольскаго ига на развитіе народнаго образованія, рецензентъ расходится съ авторомъ и доказываетъ, что если владычество Монголовъ и могло до нѣкоторой степени преграждать для Россіи сближеніе съ Византіею и съ нѣкоторыхъ сторонъ заслоняло отъ насъ цивилизацію запада, то во всякомъ случаѣ оно не могло остановить естественное движеніе Русскаго народнаго образованія; ибо это образованіе, какъ чисто національное, разлитое, какъ говоритъ самъ же авторъ, по всему народу, не могло быть остановлено въ своемъ движеніи игомъ большею частью внѣшнимъ, мало касавшимся внутреннихъ сторонъ народной жизни; къ тому же и самые факты, по замѣчанію г. Бѣляева, нисколько не доказываютъ остановки народнаго образованія во время Монголовъ.

Исторію законовъ благочинія, которые авторъ называетъ

законами охранительными, онъ раздѣляетъ на два отдѣленія, относя къ первому законы *предупредительные*, а ко второму — *возстановительные*. Къ предупредительнымъ онъ относитъ законодательныя распоряженія, направленные противъ враждебныхъ дѣйствій природы и человѣка, и включаетъ сюда мѣры безопасности населенія, мѣры обезпеченія народнаго продовольствія и народнаго здравія, мѣры безопасности отъ пожаровъ и наводненій, законы о паспортахъ и о ценсурѣ. Наконецъ заключительную статью составляетъ обзоръ законовъ, названныхъ г. Лешковымъ возстановительными, куда онъ относитъ мѣры общественнаго призрѣнія. Въ отношеніи этихъ отдѣловъ труда г. Лешкова рецензентъ представляетъ сводъ главныхъ положеній автора, указывая мѣстами нѣкоторые пропуски его, а въ отношеніи изслѣдованія г. Лешкова о неурожаяхъ, голодныхъ годахъ и мѣрахъ обезпеченія народнаго продовольствія въ древней Россіи, съ 1024 по 1608 годъ, онъ говоритъ, что это есть «полное, отчетливое и еще доселѣ не бывалое въ нашей литературѣ обзоръ предмета.»

Г. Профессоръ Бѣляевъ оканчиваетъ разборъ книги г. Лешкова слѣдующимъ заключеніемъ: «Книга сія составляетъ истинное и важное приобрѣтеніе учено-исторической отечественной литературы, какъ по важности и новости вопросовъ, поднятыхъ авторомъ, такъ и по вѣрному и обстоятельному рѣшенію сихъ вопросовъ. Авторъ въ своей книгѣ о многомъ заговорилъ у насъ первый, многому самъ пролагалъ дорогу, и, несмотря на новостъ предмета, многое рѣшилъ такъ удовлетворительно, что, при настоящемъ состояніи источниковъ, болѣе удовлетворительнаго рѣшенія и ожидать нельзя. Исторія общественнаго права въ Россіи настоящимъ трудомъ г. Лешкова съ разу поставлена на такую точку, какой другіе отдѣлы исторической науки достигали въ нѣсколько пріемовъ, и, по моему убѣжденію, Императорская Академія Наукъ вполне удовлетворитъ справедливости, если присудитъ г. Лешкову полную Уваровскую премію.»

Комиссія съ благодарностью приняла трудъ г. Бляева о сочиненіи г. Лешкова, и хотя она не могла вополнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ согласиться съ безусловнымъ его одобреніемъ книги г. Лешкова, тѣмъ не менѣе сочла справедливымъ поощрить трудолюбиваго автора присужденіемъ ему малої преміи.

Другое, увѣнчанное на нынѣшнемъ конкурсѣ сочиненіе — *Хронологическія изслѣдованія г. Энгельмана въ области Русской и Ливонской исторіи XIII и XIV столѣтій*, было рассмотрѣно Академикомъ М. П. Погодинымъ.

Ливонія, которой минувшія судьбы представляютъ собою для ученаго изслѣдователя такъ много занимательнаго, постоянно продолжаетъ вызывать новыхъ дѣятелей для разработки ея историческихъ матеріаловъ. Наперскій, Бунге, Тобиенъ и многіе другіе посвящали ей труды свои; въ нынѣшнемъ году Академія присудила половинную Демидовскую награду г. Бреверну за его *Studien zur Geschichte Liv-, Est- und Kurlands* и удостоила почетнаго отзыва сочиненіе г. Рихтера: *Geschichte der Ostseeprovinzen*. И вотъ является на Уваровскій конкурсъ сочиненіе г. Энгельмана — трудъ добросовѣстный и дѣльный, несмотря на частность предмета. «Тщательное изученіе источниковъ», говоритъ рецензентъ, «напряженное вниманіе ко всякому значительному слову, подборъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, благоразумная осторожность въ выводахъ, употребленіе различныхъ остроумныхъ приемовъ для повѣрки — вотъ отличительныя достоинства этого сочиненія, которое доставляетъ наукѣ нѣсколько положеній, если не блистательныхъ, то вѣрныхъ и «нужныхъ для дальнѣйшихъ ея успѣховъ.»

Чтобы показать взглядъ автора на важность хронологіи для исторіи, позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя его замѣчанія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко вникалъ онъ въ дѣло исторической критики, и какъ искренно былъ ему преданъ. «Хронологическія изысканія, говоритъ онъ, какъ нельзя лучше приучаютъ къ точности и отчетливости въ разрѣшеніи историческихъ вопросовъ вообще, и, поведенныя какъ слѣдуетъ,

могутъ съ тѣмъ вмѣстѣ служить вѣрнымъ ручательствомъ умѣнія изслѣдователей не только строить историческое знаніе, но строить его прочно и на твердомъ фундаментѣ.»

«Открытіе новыхъ лѣтописныхъ извѣстій», продолжаетъ авторъ, «если изслѣдованіе прежнихъ, можетъ повести къ перемѣнамъ нѣкоторыхъ историческихъ положеній. Въ этомъ мы видимъ не только общую участь, но и желательное слѣдствіе всякаго историческаго труда, и «страсть къ послѣднему слову» въ области науки, по нашему убѣжденію, есть злѣйшій врагъ истинно-ученаго успѣха.»

Въ этихъ словахъ слышится голосъ опытнаго изслѣдователя, который вывелъ свои наблюденія и воззрѣнія изъ постоянного и настойчиваго изученія источниковъ.

Въ подтвержденіе словъ своихъ о важности хронологіи для исторіи, авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые, представляя собою частный интересъ, не могутъ имѣть мѣста въ общемъ отчетѣ, но указаны въ рецензіи. Скажемъ только, что однимъ изъ нихъ подробно опровергается утвержденіе г. Соловьева, будто въ сохранившемся на латинскомъ языкѣ проектѣ договора Ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ мы имѣемъ самый договоръ.

Изслѣдованія свои авторъ начинаетъ договоромъ Новгорода съ Ганзейскими городами. Видя разнорѣчіе прежнихъ изслѣдователей въ годѣ заключенія этого договора, онъ подвергаетъ новому пересмотру всѣ данныя этого хронологическаго вопроса, чтобы разрѣшеніемъ его повѣрить и соприкосновенныя съ нимъ другія данныя Русско-Ливонской хронологіи.

Разборомъ ряда вопросовъ, изслѣдованныхъ умно, тщательно и основательно, и послужившихъ для повѣрки и другихъ фактовъ, какъ на примѣръ, годовъ начала княженія Ярослава Тверскаго, Раковорской битвы, осады Пскова и пр., авторъ не оставилъ никакого сомнѣнія въ томъ, что договоръ Новгорода съ Ганзейцами заключенъ въ 1270 году.

Для достиженія этого рѣшенія авторъ приводилъ мѣста изъ

Новгородской лѣтописи и Ливонской хроники, сличалъ одни съ другими, и каждый выводъ стоилъ ему кропотливаго труда и глубокихъ соображеній.

По ближайшему отношенію къ событіямъ этой эпохи Псковскаго князя Довмонта, авторъ дѣлаетъ обстоятельное изслѣдованіе о его дѣйствіяхъ, обозначая первоначальные источники позднѣйшихъ разсказовъ и степень важности заключающихся въ нихъ данныхъ, и затѣмъ указываетъ на измѣненія, которымъ эти данныя подверглись подѣ перомъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и компиляторовъ. Благодаря этому изслѣдованію, мы знакомимся теперь короче съ дѣятельностію Псковскаго витязя.

Точно тоже должно сказать и о нѣкоторыхъ событіяхъ времени Александра Невскаго, разобранныхъ авторомъ со всею тщательностію, при чемъ онъ изслѣдовалъ мимоходомъ показанія Ливонскихъ источниковъ и разныя вставочныя извѣстія Новгородской лѣтописи, между прочимъ о Литовскихъ князьяхъ.

Къ ученымъ изслѣдованіямъ своимъ авторъ присоединилъ два приложения. Первое изъ нихъ содержитъ въ себѣ перечень событій въ хронологическомъ порядкѣ, весьма тщательно составленный; второе представляетъ списки великихъ магистровъ Тевтонскаго ордена, ландмейстеровъ Прусскихъ, гермейстеровъ и маршаловъ Ливонскихъ, капитановъ Ревельскихъ, архіепископовъ Рижскихъ, епископовъ Дерптскихъ и Ревельскихъ. Всѣ эти списки частью дополнены и исправлены авторомъ при своемъ изслѣдованіи.

Сдѣлавъ замѣчаніе, что нѣкоторыя изслѣдованія автора могли бы совершиться кратчайшимъ путемъ, именно принятіемъ въ основаніе Новгородской лѣтописи, М. П. Погодинъ заключаетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Изслѣдованіе г. Ангельмана приноситъ существенную пользу Русской исторіи; оно опредѣлило съ точностію время многихъ событій, привело въ порядокъ различныя ихъ обстоятельства, послужило повѣркою показаній Русскихъ лѣтописей, освѣтило дѣятельность примѣ-

«чательныхъ историческихъ личностей, на примѣръ, Александра Невскаго, Ярослава Ярославича, Дмитрія Александровича, Литовскихъ князей Довмонта, Миндовга, Гердена и пр.»

По присужденіи наградъ по третьему Уваровскому конкурсу, Коммисія сочла своимъ долгомъ заявить публично свою признательность извѣстному нашему литератору, Александру Васильевичу Дружинину за содѣйствіе, оказанное ей при разсмотрѣніи драматическихъ сочиненій, и присудить золотую медаль Профессору Московскаго Университета Ивану Дмитр. Бѣляеву за разборъ историческаго сочиненія г. Лешкова.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНИЯ

Г. ЛЕШКОВА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ :

**РУССКІЙ НАРОДЪ И ГОСУДАРСТВО,
ИСТОРИЯ РУССКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО ПРАВА ДО XVIII ВѢКА,**

СОСТАВЛЕННЫЙ

ПРОФЕССОРОМЪ **ИВ. ДМ. БѢЛИЕВЫМЪ.**

Въ настоящей книгѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самое названіе или заглавіе: *народъ и государство, исторія общественнаго права*. Что такое общественное право? конечно, это не *jus publicum* Римлянъ, ибо у автора *народъ и государство*, представляются не какъ синонимы, а по Римски *jus publicum* собственно государственное право, *respublica* у нихъ собственно государство, народъ рядомъ съ государствомъ былъ немислимъ, государство его поглощало. *Senatus populus que Romanus*, собственно означали Римское государство. По наслѣдству отъ Римлянъ въ Европейской наукѣ *jus publicum* тоже собственно значить, государственное право; слѣдовательно общественное право не есть *jus publicum*. Это не право государства, а право обществъ или общества народа, составляющаго содержаніе государства. Это право въ наукѣ обозначается терминомъ полиція, или полицейское право. Слѣдовательно общественное право есть собственно право полицейское, (*Polizeyrecht*.) Но это названіе, употребляемое обыкновенно учеными Германіи, далеко не выражаетъ предмета общественнаго права, и въ какомъ значеніи не принимай названіе полиція, все это названіе будетъ несравненно уже предѣловъ, обнимаемыхъ общественнымъ правомъ, оно не обойметъ законовъ ни о народномъ богатствѣ ни о просвѣщеній, которыхъ, конечно, нельзя исключить изъ объема общественнаго права. А посему авторъ настоящей книги, измѣвивши

названіе полицейскаго права въ право общественное, имѣеть на своей сторонѣ полное согласіе названія съ самымъ предметомъ. Конечно, названіе не составляетъ еще сущности, но тѣмъ не менѣе названіе много значитъ въ дѣлѣ науки; оно свидѣтельствуесть о правильномъ пониманіи предмета и вѣрнѣе очеркиваетъ кругъ или объемъ науки, и, такъ сказать, проливаетъ новый свѣтъ на самое дѣло.

Отъ названія слѣдуетъ перейти къ предисловію книги, въ которомъ авторъ, на основаніи историческихъ явленій и юридическихъ соображеній, показываетъ на повсюдную необходимость государственнаго общества, и на отличіе его собственно отъ государства, и тѣмъ самымъ оправдываетъ свое названіе книги *народъ и государство*. Онъ говоритъ, что между частнымъ лицомъ и государствомъ стоитъ общество, что общество есть та связь, которая соединяетъ интересы частныхъ гражданскихъ элементовъ съ интересами политическаго элемента или государственнаго союза. Эта посредствующая среда, эта связь частнаго съ государственнымъ живетъ своею особою жизнью, должна имѣть свои права и свою систему правъ, рядомъ и на равнѣ съ правами частныхъ лицъ, и правами государства. Изъ отдѣльныхъ лицъ, какъ атомовъ государства, сколько-бы ихъ ни было, никогда не составится государство, или гармоническое связанное во всѣхъ частяхъ общественное зданіе. Съ этой мыслию автора нельзя не согласиться, она стоитъ въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки о государствѣ, и въ нашей ученой литературѣ высказывается еще въ первый разъ съ такою опредѣленностію и ясностію.

Отъ предисловія авторъ переходитъ къ изложенію общихъ понятій о предметѣ и значеніи общественнаго права. Для объясненія того, что составляетъ предметъ общественнаго права, авторъ обращается къ опредѣленію предметовъ государственнаго и частнаго гражданскаго и уголовнаго правъ, дабы, такимъ образомъ, показать отношеніе общественнаго права къ другимъ правамъ, съ которыми оно имѣетъ тѣсную связь. Онъ говоритъ:

«Политическій интересъ, обнимая собою виѣшнюю самостоятельность государства и внутреннее государственное устройство, поддерживается и достигается посредствомъ дипломатическихъ сношеній, войскъ, флотовъ, финансовъ, государственныхъ законовъ и учреждений. Интересъ гражданскій, или собственно, такъ называемый юридическій, заключаетъ въ себѣ неприкосновенность имущества, физическую безопасность лицъ и обезпеченіе законности во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, что совершается посредствомъ законовъ гражданскаго и уголовнаго правъ съ ихъ производствомъ. Наконецъ къ составу интереса общественнаго относимъ мы все то, что не принадлежитъ ни одному правительству, ни однимъ частнымъ лицамъ, но цѣлымъ сословіямъ, общинамъ, всему населенію, состоя въ вещественномъ и духовномъ благосостояніи народа, и совершаяся не однимъ правительствомъ и частными лицами, а общинами, сословіями и всѣмъ народомъ.»

Далѣе авторъ представляетъ опредѣленіе общественнаго права и излагаетъ его систему. По опредѣленію автора «общественное право есть право частныхъ лицъ и обществъ на ту дѣятельность и на тѣ средства, которыми совершается въ государствѣ развитіе и обезпеченіе цивилизаціи, или благосостояніе народа.» Или иначе: «Общественное право состоитъ въ правѣ личности на ея развитіе, посредствомъ пользованія общественными установленіями, существующими въ государствѣ для этой цѣли. Система этого права обнимаетъ законы о лицахъ, или субъектахъ общественнаго права, о предметахъ, или объектахъ права, о правахъ и средствахъ защиты этихъ правъ. Законы общественнаго права раздѣляются на законы установительные и законы охранительные. Обращаясь къ своду законовъ полсжительныхъ, мы находимъ, что законы установительные носятъ названіе законовъ благоустройства, а законы охранительные называются законами благочинія. Законы установительные, или благоустройства, основываются на идеѣ свободнаго пользованія общественными учрежденіями; законы охранительные,

или благочинія, имѣютъ своимъ характеромъ обязательную дѣятельность, требуемую отъ настоящаго поколѣнія, для сохраненія всего общественнаго на пользу будущихъ поколѣній.»

Далѣе авторъ говоритъ объ аналогіи общественнаго права съ другими вѣтвями права, и объ ихъ отличіи, и, наконецъ, объ отношеніяхъ этого права къ исторіи, къ политической экономіи, и къ другимъ наукамъ и теоріямъ, изъ которыхъ законъ почерпаетъ свои начала, относительно общественной дѣятельности. Все это сдѣлано авторомъ, какъ онъ самъ выражаетъ, для того, чтобы яснѣе видѣть массу и свойство тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для изучающаго общественное право. И должно сознаться, что авторъ достаточно достигъ своей цѣли, судя по современному состоянію науки общественнаго права.

Отъ общихъ понятій авторъ переходитъ къ введенію въ исторію общественнаго права, онъ исторію общественнаго права въ Россіи предпосылаетъ краткій очеркъ исторіи этого права въ другихъ государствахъ съ древнѣйшихъ временъ, дабы изложеніемъ аналогическихъ явленій установить вопросы, точку зрѣнія и способъ оцѣнки событій и повѣрки результатовъ. И здѣсь, по тройному положенію общественныхъ интересовъ, въ государствахъ древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ, авторъ дѣлитъ исторію общественнаго права на три вопроса, изъ которыхъ первый посвящается объясненію общественнаго права въ древности, подъ вліяніемъ политики, второй — изображенію его въ средніе вѣка, по началу господства частнаго надъ общимъ, и третій — изложенію исторіи новаго Европейскаго, преимущественно отечественнаго общественнаго права.

Въ исторіи общественнаго права въ древнихъ государствахъ авторъ указываетъ на постоянное владычество правительственнаго элемента надъ всѣми остальными. Частные человѣческіе интересы тамъ не только не находятъ содѣйствія въ государствахъ, но подчиняются его видамъ, принимаютъ значеніе политическихъ, государственныхъ; тогда какъ политическіе, правительственные вопросы занимаютъ все вниманіе общей

власти и все значеніе частныхъ лицъ, и по этому ведутъ къ стѣсненію правъ населенія. Этотъ отличительный характеръ общественнаго устройства въ древнихъ государствахъ авторъ находитъ въ исторіи Египта, Іудей, Греціи и Рима, насколько эта исторія объяснена изслѣдованіями ученыхъ, имѣющихъ общую извѣстность и авторитетъ.

Характеръ средневѣковаго общественнаго права на западѣ Европы авторъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ. «Въ средніе вѣки общечеловѣческое освободилось отъ политическаго, но заняло не принадлежащее ему мѣсто, стало выше государственнаго и надъ государственнымъ, по выраженію Гюльмана. По причинѣ преимущественной дѣятельности общинъ и сословіи, въ средніе вѣки, мы не встрѣчаемъ въ эту эпоху почти никакихъ государственныхъ законовъ, равно какъ никакого государственнаго управленія по дѣламъ и вопросамъ общественнаго права. Между тѣмъ, по причинѣ особаго развитія личныхъ потребностей и интересовъ, и обращенія ихъ въ потребности и интересы общинъ и корпорацій, повсюду видимъ общественную дѣятельность самую разнообразную и самую живую въ этомъ отношеніи. И въ общинномъ бытѣ легко находимъ и степень развитія вопросовъ средневѣковаго общественнаго права, и характеръ рѣшенія, сообщеннаго этимъ вопросамъ въ средніе вѣки, и способъ управленія дѣлами или производствомъ.»

«Средневѣковыя общества коснулись всѣхъ сторонъ человѣческой жизни и всѣхъ вопросовъ, какъ въ видахъ установленія и развитія общественнаго права, такъ и въ дѣлѣ охраненія; но на все это положили печать личнаго или корпоративнаго, господствующаго надъ общимъ народнымъ. Такъ въ средніе вѣка были уже и общественныя дороги, такъ называемыя *Geleitsstrassen*, конвойныя, но проѣздъ по этимъ дорогамъ подвергался разнообразнымъ ограниченіямъ. Хозяева земли и воды берутъ съ проходящаго и проѣзжающаго произвольные поборы, которые видимо опираются на ихъ право собственности, и на дѣлѣ равняются воспрещенію проѣзда. Въ средніе вѣка бы-

ли и почты; но онѣ также имѣли исключительный характеръ, съ значеніемъ учреждений общинныхъ, корпоративныхъ. Различныя общины заводили почтовые установленія, но только для своихъ нуждъ и своихъ потребностей, а вся остальная масса народа была исключена изъ права пользованія этими установленіями. Средніе вѣки также горячо занимались и вопросомъ о промышленности, но промышленность тогда не была народнымъ дѣломъ, а исключительнымъ достояніемъ извѣстныхъ классовъ и сословій, совершенно замкнутыхъ и обособленныхъ. Стѣны городовъ отдѣляли два рода населенія и два рода промысловъ, сельскій и городскій, которые, говоря вообще, не смѣшивались и не соединялись. Сельская промышленность находилась въ рукахъ землевладѣльцевъ, которые одни имѣли право поземельнаго владѣнія, и земледѣльцевъ, для которыхъ входъ въ другое сословіе былъ почти невозможенъ. Городская промышленность также имѣла свои особые классы, особыхъ дѣятелей и представителей, ремесленниковъ и торговцевъ, которые, крѣпкими стѣнами и недоступными правами, отдѣлялись отъ остальнаго населенія. Да и между собою они установили средостѣнія, чрезъ которыя не легко было перешагнуть желавшему выйти изъ цѣха въ гильдію или обратно. Вопросы объ охраненіи также не были упущены изъ вида. Средневѣковыя общества предпринимали мѣры и противъ огня, голода и проч. Но всѣ сіи мѣры принимали на себя только извѣстныя общины, преимущественно города и нѣкоторыя селовія; вопросы не разсматривались въ ихъ отношеніи къ цѣлости народа, не имѣли значенія народныхъ общественныхъ, и рѣшеніе выходило ограниченнымъ, узкимъ. Безконечное развитіе личнаго права мѣшало даже полному развитію личности, вызывая право силы, кулачное право, и потомъ его необходимое слѣдствіе — безмѣрное усиленіе централизаціи.»

Изложеніе характера общественнаго права въ новыхъ государствахъ запада, авторъ оканчиваетъ XVIII столѣтіемъ, которымъ замыкается борьба верховной власти съ частными сред-

невѣковыми интересами. Онъ преимущественно занялся изложеніемъ нѣсколькихъ случаевъ изъ XVII столѣтія, въ которыхъ выказалась вся чрезмѣрность вліянія западныхъ правительствъ на жизнь и бытъ народа, вызвавшая наконецъ противодѣйствіе сперва въ сферѣ экономического быта. Изъ этой оппозиціи многоуправству образовалась цѣлая наука политической экономіи, которая, съ своей стороны, сообщила особое направленіе всему юридическому ученію о правѣ общественномъ на западѣ Европы.

Отъ введенія авторъ переходитъ къ исторіи Русскаго общественнаго права. Приступая къ этому предмету онъ очень вѣрно говоритъ, что каждый народъ находится подъ вліяніемъ своей особой идеи, которая составляетъ красную нитку въ его исторіи, представляющую отличительную черту одного народа отъ другихъ; и эту отличительную черту въ Русскомъ народѣ находятъ въ общинности, въ общинномъ бытѣ; въ способности составлять общины, и постоянно держаться общиннаго устройства, порѣшая все при посредствѣ общины. Это указаніе на общинный бытъ, какъ на отличительную черту Русскаго народа, вполне согласно съ самымъ дѣломъ, съ исторіею нашего отечества; и мы внутренній смыслъ этой исторіи дѣйствительно не можемъ иначе объяснить, какъ общиннымъ бытомъ, что ясно уже доказано несостоятельностью всѣхъ попытокъ къ объясненію нашей исторіи изъ другихъ началъ, и тою удовлетворительностію въ объясненіи, которую авторъ представляетъ въ настоящемъ изслѣдованіи.

Потомъ авторъ прямо переходитъ къ древнѣйшей до-Рюриковской Русской семьѣ и общинѣ, какъ главной характеристической чертѣ Русской исторіи, и начинаетъ изслѣдованіе объ этомъ предметѣ съ перваго переселенія Славянъ съ Дуная на сѣверъ, съ перваго занятія Русской земли Славянскими племенами. Онъ, основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописей, говоритъ, что занятіе Русской земли Славянами происходило общимъ движеніемъ, постепенно, шагъ за шагомъ, колонизаціею, а не одновременнымъ дѣйствіемъ завоеванія, Несторъ не вогоритъ о вой-

нахъ Славянъ съ туземцами. При таковой формѣ поселенія союзъ единства языка и обычаевъ, скрѣплявшій Славянъ въ этнографическое единство, долженъ былъ въ прикосновеніи съ почвою Руси, стѣснить и ограничить частную собственность, долженъ былъ родить общинное владѣніе въ Русской землѣ, долженъ былъ создать и развить общинную жизнь въ Русскомъ народѣ, и превратить единство этнографическое въ земское—въ общинность, съ первой минуты осѣдлости. Ибо чувство и сознаніе о единствѣ народа необходимо рождали мысль и убѣжденіе о единствѣ его земли и не могли не имѣть вліянія на самое поземельное право. Тѣмъ болѣе, что не отдѣльныя лица, въ ихъ разрозненномъ состояніи, осѣлись на Русской землѣ, и назвали тѣ или другія части ея своею личною собственностію, а цѣлыя племена или цѣлый народъ сталъ первый называть эту землю своею Русскою землею. Значеніе нашей древнѣйшей общины посему состояло въ томъ, что она уже съ перваго заселенія господствовала надъ своею землею и надъ всѣми отдѣльными лицами поселенія, и всѣ владѣвшія землею общины представляли общину, управляли ею и отвѣчали за нее. При чемъ, по мѣрѣ правъ, принадлежащихъ членамъ общины, устанавливались и ихъ обязанности.

Отъ понятія о Русской общинѣ авторъ переходитъ къ ея наименованіямъ, отмѣченнымъ въ Русской Правдѣ, и преимущественно останавливается на наименованіи общины *вервью*, какъ старѣйшемъ и болѣе общемъ, и называетъ вервь союзомъ лицъ, связанныхъ по землѣ, союзомъ вещнымъ, какою то географическою общиною, но общиною обширною, имѣющею собственное управленіе и заключающею въ себѣ села, торги, города, земли и людей. По словамъ автора вервь была первою степенью осѣдлости нашего народа и первичною формою общественной его жизни. По внѣшнему виду верви, также какъ и позднѣйшіе погосты, относительно занимаемаго ими пространства земли, были различны, смотря по числу перваго населенія, одни верви были больше, другія меньше, но вообще они

были довольно пространны и могли заключать въ себѣ по нѣскольку сотъ квадратныхъ верстъ. Земли одной верви отъ земель другихъ вервей отдѣлялись постоянными границами, которыя не столько выражались внѣшними знаками, ямами, урочищами, сколько внутреннимъ постепеннымъ развитіемъ дѣятельности верви и употребленіемъ принадлежавшей ей земли, по древнему Русскому означенію границъ владѣнія, *куда соха и топоръ ходитъ*. Относительно внутренняго состава, земля каждой верви дѣлилась на отдѣльные поземельные участки совершенно равные, каждый изъ сихъ участковъ отдавался во владѣніе той или другой семьѣ, бывшей членомъ общины, верви. А посему, такъ какъ участки сіи служили основаніемъ для бытія чловѣка и семейства, то они легко уравнивались, въ мысли народа, семейству и чловѣку; а какъ семейство и чловѣкъ, во внѣшнемъ ихъ бытѣ, обозначались мѣстомъ своего поселенія, жильемъ, дымомъ или дворомъ, то естественно, что участки и жеребьи эти означались въ Русскомъ народѣ «дымомъ и дворомъ». Итакъ вервь была извѣстное пространство земли, раздѣленной между членами по равнымъ участкамъ или жеребьямъ. Населеніе верви (ея члены), было постоянное, неизмѣнное, только умножавшееся отъ времени; ибо, хотя члены верви могли свободно переходить съ одного мѣста на другое, и даже имѣли право перехода изъ одной верви въ другую, но симъ правомъ въ древности они едвали пользовались, и переходы ограничивались преимущественно перемѣною старыхъ поземельныхъ участковъ на новые въ предѣлахъ той же верви; слѣдовательно населеніе верви не измѣнялось, а перемѣнялись только мѣста поселенія преимущественно въ предѣлахъ же верви.

Но мало по малу вервь, изъ простой географической общины, сдѣлалась средоточіемъ разныхъ поселеній, образовавшихся позднѣе и тянувшихъ къ первоначальному поселенію; съ момента появленія средоточій, значеніе верви имѣняется существенно. Съ этаго времени вервь уже является земскою общиною, территоріальною, которой власть и вліяніе не ограничи-

ваются подчиненіемъ верви отдѣльныхъ лицъ, владѣльцовъ, но расширяются на цѣлыя поселенія въ ихъ различныхъ формахъ. Хотя верховная власть нелицетворилась въ верви, но она дѣйствовала въ ней какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ: обычное право было результатомъ законодательной власти верви; старѣйшины, бояре, сотскіе, составляли ея управленіе; потокъ и разграбленіе служили для нея карательными средствами, а столь извѣстный въ послѣдствіи повальный обыскъ — мѣрою общественнаго дознанія юридической истины. Но дѣло верви, въ древнія времена, неограничивалось ни вопросами о безопасности, ни установленіями суда и расправы, а расширялось навесь общественный бытъ древняго Русскаго народа. Вообще всѣ разряды и классы членовъ Русскаго Общества, встрѣчаемые въ Русской Правдѣ, о должны верви, или древнѣйшей Русской общинѣ, тѣмъ общественнымъ политическимъ положеніемъ, которое, очевидно, принадлежитъ имъ по законодательству Ярослава. Наконецъ вервь, столько совершившая для установленія правъ, должна была еще болѣе дѣйствовать для ихъ охраненія, и не только судомъ и расправой, но особенно взаимною обороною для обезпеченія имуществъ и лицъ народа отъ дѣйствія внѣшней природы и общественныхъ несчастныхъ событій, напр., во время пожаровъ, голодовъ и въ случаяхъ нищеты. Она положила основаніе той системѣ общиннаго и общественнаго союза, въ которой народъ искони и до сего дня находитъ свое спасеніе при указанныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ древняя Русская вервь служитъ какъ бы указаніемъ развитости общественнаго быта до-Рюриковской Руси. Степень этаго развитія, какъ говоритъ авторъ, при нынѣшнемъ состояніи исторіи, можетъ быть вопросомъ спорнымъ; но предположеніе о развитіи общественности въ Руси того времени болѣе чѣмъ вѣроятно, — оно несомнѣнно. Самое призваніе князей Варяжскихъ, выражающее собою и протестъ противъ господства силы, и требованіе законности, есть доказательство въ пользу предположенія о развитіи, въ древней Руси, понятій права».

Вообще изслѣдованіе автора о древнѣйшей Русской общинѣ, въ формѣ верви, представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей исторической литературѣ; оно такъ согласно съ требованіями исторической науки, что съ нимъ нельзя несогласиться. Авторъ, въ своемъ изслѣдованіи, твердо стоитъ на исторической почвѣ, и живо изображаетъ картину древней верви, картину, необходимую для историческихъ изслѣдованій о древнемъ бытѣ Русскаго общества, картину, служащую основаніемъ и точкою отправленія для вѣрнаго пониманія всѣхъ послѣдующихъ историческихъ явленій общественнаго быта на Руси. Изслѣдованіе о древней верви въ нашей литературѣ является здѣсь въ первый разъ, и является въ удовлетворительной полнотѣ и ясности. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ можно еще несогласиться съ авторомъ, но противъ общаго впечатлѣнія спорить нельзя.

Именно съ авторомъ можно несогласиться въ томъ, что онъ считаетъ вервь въ сельскомъ земледѣльческомъ обществѣ первоначальною формою верви, отъ которой позднѣе произошли города, образовавшіеся изъ членовъ сельскихъ общинъ, которыя по своимъ занятіямъ и промысламъ, несвязаннымъ съ землею, легко могли выйти изъ земледѣльческихъ общинъ, и образовали особыя поселенія. Но мнѣ кажется, что Славяне, пришельцы съ Дуная, въ здѣшней сторонѣ прежде всего стали селиться городами, а потомъ уже изъ городовъ высылали колоніи или поселки подъ именемъ селъ, деревень и починковъ. Несторъ, объ Ильменскихъ Славянахъ, прямо говоритъ, что они, при первомъ же своемъ поселеніи, построили Новгородъ: «Славяни же сѣдоша около озера Ильмера, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарѣкоша и Новгородъ». (Лавр. Лѣт. стр. 3.) Справедливое мнѣніе автора, что Славянскія верви первоначально были земледѣльческія, нисколько непротиворѣчитъ тому, что первоначально Славяне на Руси селились городами; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, и города на Руси занимались земледѣліемъ. Такъ Ольга посаженнымъ Коростенцамъ говорить:

«а вси гради ваша предашася мѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и земли своя». (ibid. стр. 25.) Необходимость же первоначальнаго поселенія Славянъ городами, а не деревнями, заключается въ томъ, что Славяне, пришельцы, первоначально должны были селиться значительными массами и въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, чтобы отстоять свою самостоятельность противъ туземцевъ; Славяне именно тѣмъ и защищались отъ нападенія туземцовъ, что жили массами—городами. Даже на памяти исторіи, Новгородцы начинали свои поселенія въ чужихъ земляхъ построениемъ городовъ; такъ, напримѣръ, въ земляхъ Веси они начали свое поселеніе построениемъ Бѣлоозера; въ земляхъ Мери—строениемъ Ростова. А потому, кажется, вѣрнѣе признать, что древнія верви начались съ городовъ, а потомъ, съ большимъ развитіемъ Славянскихъ поселеній, появились и въ селахъ, получившихъ въ послѣдствіи наименованіе погостовъ. Впрочемъ, повторяю, это частность, ненарушающая достоинства общаго изслѣдованія о верви представленнаго авторомъ.

Отъ древнѣйшей верви авторъ переходитъ къ общественному праву Русской Правды, и, взглянувши на Русскую Правду, какъ на законодательный сборникъ, сложившійся изъ самой жизни Русскаго народа въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній, нѣсколькихъ вѣковъ, говорить: «общинность особенно выразилась въ законахъ Русской Правды: въ нихъ она получила документальное юридическое значеніе, и сдѣлалась историческимъ началомъ въ жизни и правѣ Русскаго народа. Эта общинность составляетъ главный характеръ Русской Правды и все отличіе тогдашней Русской жизни; эта общинность въ эпоху Правды все производитъ въ быту народа и въ его законодательствѣ, и всему служитъ объясненіемъ. Бытъ народа въ то время былъ преимущественно общинный, и законъ его—Русская Правда — былъ кодексомъ общиннаго права. Всѣ статьи Русской Правды, касающіяся общественнаго права, суть необходимыя слѣдствія общиннаго быта Руси.» Это заключеніе автора о Русской Правдѣ и бытѣ Русскаго народа, современномъ Правдѣ,

вполнѣ подтверждается послѣдующимъ изслѣдованіемъ автора о развитіи общественнаго права на Руси, по Русской Правдѣ и по другимъ современнымъ памятникамъ, къ которому изслѣдованію мы теперь и обратимся и представимъ его въ сжатомъ очеркѣ.

Какъ общественное право, или развитіе народнаго благосостоянія, какъ вещественнаго, такъ и духовнаго, требуетъ отъ народа извѣстныхъ условій для своего существованія, а именно *труда*, или дѣятельности — *земли*, или предмета для дѣятельности, и *путей сообщенія*, или удобства для соединенія силъ, участвующихъ въ дѣятельности; то авторъ и начинаетъ свои изслѣдованія съ распоряженій Русской Правды о сихъ условіяхъ.

О *трудѣ*, какъ первомъ условіи развитія народнаго благосостоянія, авторъ говоритъ, что на Руси время Правды всякій трудъ былъ свободенъ. И какъ свободный трудъ, не могъ не быть въ почетѣ, не могъ неимѣть правъ гражданскихъ, не могъ не быть благодатно производительнымъ. Эта свобода труда выразилась въ древнемъ началѣ: *вольному воля*, которое, давая власть боярину переходить отъ одного князя къ другому, освящало права перехода поселянъ съ поля одного владѣльца на поле другаго; равно какъ право перехода посадскихъ въ крестьяне, а крестьянъ въ посады и города и т. д. Свобода перехода изъ класса въ классъ съ своей стороны имѣла значеніе свободы промысловъ. По Русской Правдѣ авторъ находитъ только три класса, неимѣвшіе полной свободы, — *рабы*, *закупы* и *смерды*. Рабы составляли собственность своихъ господъ; но рабство въ древней Руси небыло развито. Русская Правда признаетъ только три источника полнаго рабства: куплю раба, жемидьбу на чужой рабѣ безъ условія, и принятіе тиунства безъ ряду. Закупы были люди полусвободные, служившіе по найму, и отличавшіеся отъ наймитовъ только тѣмъ, что забирали деньги напередъ и заживали ихъ работою. Смерды были люди почти свободные, но принадлежавшіе князю, поселенные на его

земляхъ. Въ противоположность тремъ несвободнымъ классамъ авторъ вычисляетъ по Русской Правдѣ классы свободныхъ: наймитовъ, селянъ, людиновъ, горожанъ, ремесленниковъ, купцовъ, гостей, огнищанъ, бояръ, гридьбу и проч. Что трудъ на Руси время Правды былъ преимущественно свободнымъ, имѣлъ гражданскія права и пользовался почетомъ, и что несвободныхъ было не много, это авторъ говоритъ вполне согласно съ Русскою Правдою и другими источниками. Преимущественною свободою труда древняя Русь именно отличалась, какъ отъ государствъ древняго міра, такъ и отъ государствъ Западной средневѣковой Европы, современныхъ Русской Правдѣ, въ которыхъ сильно было развито рабство. Самое допущеніе древнимъ Русскимъ закономъ начала закуповъ или кабалы представляетъ важное средство къ уменьшенію на Руси рабства; безъ кабальнаго начала бѣднякъ, неимѣвшій средствъ жить, прямо бы поступалъ въ безвыходное рабство, какъ это и было въ древнемъ мірѣ, и средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы. Дѣйствительно свобода труда въ древней Россіи много способствовала благосостоянію народа, она имѣла большое вліяніе на смѣшеніе промысловъ, и тѣмъ самымъ давала людямъ средства, при неудачѣ въ одномъ промыслѣ, искать средствъ къ жизни въ иныхъ промыслахъ; но она неблагоприятно дѣйствовала на качественное развитіе промысловъ, отъ чего Западная Европа, съ своими цѣхами, далеко опередила Россію въ усовершенствованіи произведеній того или другаго промысла. И авторъ настоящей книги правъ, указавши на свободу труда, какъ на средство къ развитію общественной жизни; но съ нимъ нельзя согласиться относительно перечисленія смердовъ къ полусвободнымъ классамъ; Русская Правда не представляетъ ни одного указанія на несвободу смердовъ; по всему вѣроятію въ Русской Правдѣ смердами назывался тотъ классъ свободныхъ людей, членовъ Русскаго общества, который въ XIV и XV столѣтіяхъ извѣстенъ подъ названіемъ *черныхъ людей*, а сіи люди, какъ извѣстно, были свободными.

О *земль*, предметѣ владѣнія, авторъ говоритъ: «Русская земля противопоставляется въ Русской Правдѣ *чужой земль*, до которой простирается право свода, и на которой должникъ можетъ избавиться отъ уплаты своего долга. Слѣдовательно все пространство земли, на которомъ дѣйствуетъ право свода, или Русская община, и обязательность Русскаго договора, или Русскій законъ, — все это пространство есть Русская земля и принадлежитъ Русскому народу. Эта земля называется въ Правдѣ своею, такъ сказать, усвоется каждому Русскому. Слѣдовательно высшее, основное, главное право на землю принадлежало общности народа, которую въ послѣдствіи воплощали домъ княжій и общины самага народа. Указаній на частную поземельную собственность, въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ мы весьма мало; но преимущественно и главнымъ образомъ земля раздѣлена была между городами, селами и другими общинами, какъ это видно изъ установленій свода, и изъ самага выраженія «вервь» для общины. Опредѣливши, такимъ образомъ, главный способъ владѣнія землею на Руси, авторъ выводитъ изъ этого владѣнія три замѣчательныя послѣдствія, вполне согласныя съ Русскою исторіею, и рѣзко выразившія отличіе Русской исторіи отъ исторіи другихъ народовъ: 1-е главнѣйшее слѣдствіе таковаго поземельнаго права на Руси высказывается въ *доступности земли для всякаго Русскаго*. Русская Правда ни однимъ словомъ своимъ не налагаетъ предѣловъ и границъ для поземельнаго владѣнія Русскихъ людей; да и въ послѣдствіи времени Русскій законъ не знаетъ пролетаріевъ, и вообще лицъ, которымъ было бы воспрещено пріобрѣтеніе и пользованіе землею. 2-е слѣдствіе общинности имѣетъ то важное значеніе въ экономическомъ отношеніи, при общинности поземельнаго права, большія хозяйства необходимо состоятъ изъ малыхъ, сохраняютъ выгоды тѣхъ и другихъ; при общинности поземельнаго права безконечная дробимость и доступность земли для каждаго лица невызываетъ даже мысли объ опасности со стороны монополіи большихъ капиталистовъ. 3-е наконецъ къ числу слѣдствій общин-

ности земли, относится, какъ по закону Русской Правды, такъ и по слѣдующимъ законоположеніямъ, господство движимаго имущества въ древней Россіи. При господствѣ движимаго имущества не могло у насъ развиться преобладаніе поземельныхъ владѣльцевъ; господство движимаго не дозволило явиться на Руси аристократіи, на подобіе западной; ово было причиною скорого перехожденія родовъ самага высокаго положенія. Земля, неподдерживавшая, неувѣковѣчивавшая значенія предковъ, до XVI вѣка дѣлала мертвою буквою всякій дипломъ и всякій актъ герольдіи, выражаясь языкомъ Запада. Представленные здѣсь авторомъ выводы изумительно вѣрны и ясны, и свидѣлствуютъ, что авторъ глубоко понимаетъ Русскую исторію. Подобныхъ выводовъ еще не встрѣчалось въ нашей исторической литературѣ.

О путяхъ сообщенія, или дорогахъ въ изслѣдованіи автора находимъ: во 1-хъ, что во времена Русской Правды дороги на Руси уже раздѣлялись на большія, называвшіяся *гостиницами*, и малыя, и значенія тѣхъ и другихъ такъ были опредѣлены въ понятіи народа и законодателя, что имѣли различныя юридическія свойства. На большой дорогѣ процессъ свода долженъ былъ прекращаться по закону, тогда какъ на малой, немного проѣзжей, сводъ былъ дозволенъ. Отсюда выходитъ, по словамъ автора, слѣдствіе, что малыя дороги входили по закону въ вервь, или участокъ земли той или другой общины, большія-же дороги составляли достояніе общественное, общее для всѣхъ общинъ. Во 2-хъ, что во времена Русской Правды существовала уже общая дорожная повинность, малыя дороги поддерживались усиліями своихъ владѣльцевъ, а большія содержались народною натуральною повинностію.» Здѣсь, къ показаніямъ автора о путяхъ сообщенія можно прибавить указаніе Мстиславовой договорной грамоты съ Ригю и Готскимъ берегомъ, гдѣ, между прочимъ, говорится съ какою заботливостію охранялась большая торговая дорога, лежавшая на волоку между западною Двиною и Днѣпромъ, грамота даже упоминаетъ объ

тіунѣ смотрѣвшемъ за этою дорогою, и наблюдавшемъ за порядкомъ, въ какомъ должно было возить товары разныхъ гостей.

Отъ условій развитія народнаго благосостоянія, авторъ переходитъ къ изслѣдованію о самомъ развитіи народнаго благосостоянія на Руси времени Правды, т. е. о народномъ богатствѣ и о народонаселеніи. Состояніе народнаго богатства времени Русской Правды авторъ опредѣляетъ: 1-е состояніемъ путей сообщенія, 2-е орудіями мѣны и торга, и 3-е законами Русской Правды о промышленности.

О мнѣніи автора, относительно путей сообщенія, я уже упомянулъ, теперь обратимся къ *орудіямъ мѣны и торга*, т. е. къ мѣрамъ, вѣсу и монетѣ. О сихъ предметахъ онъ говоритъ, что по Русской Правдѣ для всей Россіи былъ одинъ общій вѣсъ, общая мѣра и всѣми принятый видъ монетъ, утвержденныя закономъ; и отсюда заключаетъ, и съ полною справедливостію, что Русь, время Правды, стояла на значительной степени гражданственности, и давно вышла изъ состоянія грубой дикости, а промышленная дѣятельность народа достигла замѣтныхъ размѣровъ. О строгомъ наблюденіи за одинаковостію мѣръ и вѣсовъ авторъ указываетъ свидѣтельства Владимірова устава и договорныхъ грамотъ Мстислава Смоленскаго и Новгорода съ Нѣмцами. Сюда, конечно, должно отнести и свидѣтельство Всеволодовой грамоты, данной церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ. О деньгахъ авторъ говоритъ, на основаніи источниковъ, что высшая монетная единица — гривна была трехъ видовъ, — гривна золота, гривна серебра и гривна кунъ; гривна золота равнялась 50 гривнамъ кунъ, а гривна серебра $7\frac{1}{2}$ гривнамъ кунъ въ Новгородѣ и четыремъ гривнамъ въ Смоленскѣ, далѣе, низшими монетами были ногаты и куны или рѣзаны; въ ногатѣ было $2\frac{1}{2}$ куны или рѣзаны, а въ гривнѣ (кунѣ) 50 кунъ или рѣзанъ. Далѣе, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, приравнивая гривну серебра нынѣшнимъ десяти серебрянымъ рублямъ, авторъ находитъ, что гривна кунъ равнялась нынѣшнимъ $1\frac{1}{3}$ руб. сер., рѣзана или куна $2\frac{2}{3}$ коп. сер., ногата $6\frac{2}{3}$ коп. сер.

А какъ въ XI и XII столѣтіяхъ серебро было въ десять почти разъ дороже нынѣшняго; то отсюда авторъ выводитъ, по указанію Русской Правды, слѣдующія цѣны на разныя произведенія:

Стоили по цѣнамъ Русск. Правды	на нынѣшн. ден.	Теперешн. цѣны ден.
Одно руно.....	1 рѣзана....	2 ² / ₃ коп. сер.... около 26 к. с.
Баранъ.....	} 10 рѣзанъ ...	} 26 ² / ₃ коп. сер.... » 2 р. 63 к. с.
Козель.....		
Гарнецъ масла.....		
Овца.....	} 15 рѣзанъ ...	} 40 коп. сер.... » 4 р. сер.
Коза.....		
Вепрь.....		
Однолѣтн. жеребен.	} 50 рѣзанъ ...	} 1 р. 33 коп. сер.... » 13 р. 30 к. с.
Корова.....		
Кобылица.....		
	150 рѣзанъ ...	4 р. 99 » » ... » 40 р. сер.

Сія и подобныя указанія, сдѣланныя авторомъ, на основаніи Русской Правды, весьма важны для исторіи общественнаго права на Руси, онѣ ясно говорятъ о степени народнаго богатства, и служатъ твердымъ основаніемъ для другихъ соображеній, напримѣръ о значеніи виръ и продажъ.

Законы Русской Правды о промышленности свидѣтельствуютъ о раздѣленіи народа на классы по различію занятій или промысловъ, а это раздѣленіе доказываетъ съ одной стороны, что промыслы были свободны, а съ другой — что они были разнообразны и многочисленны; по крайней мѣрѣ, по словамъ автора, Русская Правда несомнѣнно и ясно различаетъ всѣ три главные рода промышленности: земледѣліе, ремесла и торговлю съ нѣкоторыми подраздѣленіями, и даже довольно отчетливо опредѣляетъ ходъ сельскаго хозяйства, и частію положенія ремесленниковъ. Особенно удачно воспользовался авторъ статьями Русской Правды, относящимися до торговли, онъ во 1-хъ, указалъ на договоръ торговаго займа, рѣзко отличающійся отъ обыкновенныхъ займовъ, и свидѣтельствующій о довольно развитіи торговли; во 2-хъ на раздѣленіе несостоятельныхъ должниковъ по купечеству на невинныхъ, сдѣлавшихся несостоятельными по несчастнымъ обстоятельствамъ, отъ нихъ независѣвшимъ, и на виновныхъ, оказавшихся несостоятельными по собственной винѣ; и въ 3-хъ на степени удовлетворенія разныхъ кредиторовъ изъ имѣнія несостоятельнаго должника. При

чемъ, въ числѣ первыхъ, удовлетворялась казна и пріѣзжіе гости кредиторы, свои-же дѣлили между собою остальное, при чемъ исключались отъ участія въ дѣлѣжѣ тѣ кредиторы, которые брали большіе проценты. Авторъ заключаетъ изслѣдованіе о торговыхъ законахъ Правды весьма справедливымъ замѣчаніемъ, что въ распоряженіяхъ Русской Правды нельзя невидѣть строгой справедливости законодателя, и разумнаго вниманія къ торговому кредиту, и собенно къ торговлѣ съ иноземцами.

Переходя къ разсужденію о *народонаселеніи* въ Россіи во времена Русской Правды, авторъ не беретъ на себя разрѣшеніе вопроса о числѣ народа; но не отвергаетъ и возможности опредѣлить его, утверждаясь на извѣстіяхъ о числѣ воиновъ Олега, Игоря, Ярослава и Андрея Боголюбскаго, и, по приѣмамъ Морде-Жонеса приблизительно палагаетъ 1,500,000 человекъ. Но неостанавливаясь долго на числѣ народа, какъ не главной своей задачѣ, авторъ особенно обращаетъ вниманіе на законы о сохраненіи и умноженіи народонаселенія, и говоритъ: «къ чести Русскаго закона и обычая, они издревлѣ знали и принимали мѣры и противъ уменьшенія населенія, и въ видахъ его умноженія. Законъ и обычай недопускали въ Руси, ни *jus necis*, или дѣтоубійства, ни *jus expositiois*, или бросанія дѣтей на произволъ судьбы, ни убійства женщинъ и дряхлыхъ стариковъ, и вообще ничего подобнаго практикѣ древнихъ языческихъ народовъ. Напротивъ, они защищали жизнь человека, сколько видно изъ распоряженій Русской Правды, и введеніемъ виръ вмѣсто кровавой мести, и строгостію взысканій, и высокою оцѣнкою головы, даже раба, для ограниченія случаевъ убійства. Что касается до умноженія населенія, то законъ разумно предоставилъ это дѣло вѣрѣ и церкви, которыя, введеніемъ христіанскаго брака въ Руси, могущественно содѣйствовали къ достиженію этой цѣли. Противъ уменьшенія народонаселенія законъ и обычай дѣйствовали прирѣніемъ нищихъ; нишіе каждой общины получали помощь и хлѣбомъ, и одеждой, и

кровомъ и приютомъ отъ всѣхъ своихъ сочленовъ; призрѣніе въ старину главнымъ образомъ было общинное. Это подтверждаетъ, прибавлю я съ своей стороны, и древняя Русская пословица: «съ міру по ниткѣ голому рубаха». Далѣе продолжаетъ авторъ: «Съ введеніемъ христіанства, хотя призрѣніе перешло на долю церкви, но такъ какъ церковь тѣсно была связана съ приходомъ, общиною, то и призрѣніе нищихъ по прежнему продолжало быть общиннымъ, приходскимъ. Какъ построение церкви, содержаніе священника и причта, и всѣ потребности для богослуженія, съ христіанства, лежали на приходахъ или общинахъ; такъ и христіанское призрѣніе, въ смыслѣ церковнаго учрежденія, было отнесено и принято на счетъ прихожанъ, на отвѣтственность общины. А равнымъ образомъ общинамъ же и приходамъ принадлежало ученіе или умственное образованіе народа; ибо оно было въ рукахъ духовенства, священниковъ, діаконовъ и причетниковъ.

Охраненіе благосостоянія, по словамъ автора, во время дѣйствія Русской Правды, состояло въ общинномъ предупрежденіи. Государство въ то время еще не развилось въ своей полной формѣ, и правительство не было довольно сильно; а по сему община, неся тягость общественной повинности за каждаго изъ своихъ членовъ, заботилась объ ихъ состоятельности, и должна была зорко смотрѣть за всѣми событіями въ ея предѣлахъ, наблюдать за всѣми своими членами, подозрительно встрѣчать каждаго новаго пришельца, и своимъ надзоромъ предупреждать всякое злоупотребленіе свободы и произвола. Отсюда недовѣрчивая замкнутость Русскихъ общинъ до позднѣйшаго времени, такъ что, напримѣръ, никто не могъ войти въ городъ, сдѣлаться членомъ города, не назвавши *знатка*, т. е. жителя, который бы зналъ его, и поручился бы за него передъ общиною.»

Въ заключеніе всего сказаннаго о законахъ Русской Правды, авторъ говоритъ: «соображая сказанное, находимъ, что Русская Правда обнимаетъ собою всю систему благоустройства, и даетъ рѣшеніе на отдѣльные вопросы по силамъ и средствамъ

общиннаго быта». И дѣйствительно, по указанію автора, мы находимъ въ Русской Правдѣ рѣшеніе многихъ вопросовъ общественнаго права. Изслѣдованія автора въ первые пролили свѣтъ на этотъ отдѣлъ нашей исторіи, къ которой прежніе изслѣдователи даже и не подходили съ этой стороны. Г. Лешковъ первый взглянулъ на Русскую Правду со стороны общественнаго права; и взглядъ его имѣетъ за себя вѣрное пониманіе предмета и умѣнье раскрывать памятники.

Второй періодъ своей исторіи общественнаго права, послѣ Русской Правды до начала XVIII столѣтія, авторъ начинаетъ указаніемъ на связь послѣдующаго законодательства съ Русскою Правдою, и говоритъ: «Русская Правда возвела въ значеніе положительныхъ правъ всѣ вопросы общественной жизни, до которыхъ коснулась своими распоряженіями, и чрезъ то содѣлала самую общественную жизнь предметомъ права и законодательства на пространствѣ всей древней исторіи; и хотя въ періодъ времени послѣ Русской Правды, явно преобладаетъ въ нашемъ законодательствѣ дѣятельность верховной княжеской и царской власти; но такая перемѣна, въ видимомъ органѣ законодательства, почти вовсе не измѣняетъ смысла и началъ законовъ. Напротивъ, мы находимъ, что и въ послѣдствіи, какъ отдѣльныя распоряженія, такъ и цѣлыя законоположенія, явно проникнуты однимъ съ Правдою духомъ. Ясно, что однородность почвы и сферы условливала единство законодательныхъ посявовъ въ древней Руси, и что таже община, которая родила Русскую Правду, опредѣлила дальнѣйшее развитіе Русскаго закона. А все это налагаетъ на историка обязанность разсматривать установленія и распоряженія послѣдующихъ законовъ, въ связи съ положеніями Правды, и подъ вліяніемъ общаго для всего законодательства начала общинности и общественности».

Отъ указанія на связь между Русскою Правдою и послѣдующимъ законодательствомъ, относительно общественнаго права, авторъ переходитъ къ опредѣленію значенія семьи, общины и государства, и къ ихъ отношеніямъ другъ къ другу

во время второго періода; метко и вѣрно опровергаетъ онъ тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что удѣльное время положило основаніе и начало развитію вотчинности князей и кормленія бояръ, въ томъ смыслѣ, что князья были не государями а господами народа, бояре же и княжіе мужи не были правителями областей а только сборщиками съ нихъ разныхъ доходовъ. Онъ объясняетъ, по источникамъ, что устройство, въ Новгородѣ и устройство въ княжнихъ удѣлахъ было одинаково: тамъ и здѣсь господствовали начала общинности, — территориальная отдѣльность, или недоступность, народное сближеніе въ общемъ правѣ переходовъ, и общественная автономія. Тщательное изученіе грамотъ, касающихся быта той и другой части Россіи, необходимо ведетъ къ этимъ заключеніямъ. А при господствѣ такового устройства въ землѣ и народѣ, естественно, князья не могли сдѣлаться вотчинниками земли и народа, въ томъ смыслѣ, который придаютъ ему нѣкоторые писатели. Князья называютъ вотчинами своими Москву, Тверь, Можайскъ и проч., но на такомъ же правѣ, какъ называютъ своею вотчиною Новгородъ и Псковъ; слѣдовательно, не имѣя, какъ въ Новгородѣ и его области, такъ и въ княжествахъ и въ ихъ землѣ, дѣйствительнаго вотчиннаго права, а тѣмъ менѣе относительно населенія, ибо каждый могъ селиться гдѣ хотѣлъ, и гдѣ его принимали, и переходить изъ княжества въ княжество. Напротивъ какъ въ Новгородѣ, съ его областію, по древнему праву владѣть, князья получали только дары, дани, волости, такъ въ Москвѣ, Твери и вообще на низу получали только древніе пути, напримѣръ старѣйшій путь *полтамы*, — городскія волости, мыты, мельницы, соловарни и проч. или различныя пошлыны, а въ послѣдствіи дань и выходъ. Не владѣя землею на правѣ собственности, они не могли пріобрѣсти крѣпостнаго права надъ лицами, надъ населеніемъ.

Далѣе, продолжая опровергать мнѣнія писателей, признающихъ вотчинное право князей въ смыслѣ частной собственности, авторъ останавливается на господствѣ по удѣламъ треть-

яго начала общинности — автономіи. Здѣсь онъ говоритъ, что хотя древній самоуправный погостъ въ послѣдствіи потерялъ свое значеніе и распался на составныя свои части; но самоуправленіе съ переменами, происходившими въ землѣ, не измѣнялось въ существѣ, а только искало новыхъ областей и сферъ для своей дѣятельности. Въ то время, какъ пали погосты, начинаютъ дѣйствовать ихъ составныя части, дворы и отдѣльныя общины, или высшія, болѣе широкія, соединенія самихъ погостовъ, княжества, удѣлы, присуды, уѣзды, которые всѣ имѣли свое юридическое значеніе, свои права и обязанности, и отнюдь не означали только географическихъ или административныхъ мелкихъ единицъ. Начиная съ двора, какъ первой мелкой единицы, авторъ, по памятникамъ, объясняетъ, что подъ дворомъ встарину разумѣлась мелкая юридическая единица съ опредѣленною суммою правъ и обязанностей, и что различныя повинности съ двора крестьянскаго представляли обратную сторону тѣхъ преимуществъ, которыя принадлежали двору; при чемъ подробно по памятникамъ восстанавливаетъ всѣ обязанности, лежавшія на крестьянскомъ дворѣ, которыя отнюдь не были произвольны, но ясно и документально опредѣлены, и своею опредѣленностію выражали господство личности до послѣднихъ слоевъ общества. По Соборному Уложенію домовое право позволяло даже отвѣтчику, требуемому къ суду особымъ приставомъ, почитать свой домъ своимъ царствомъ, куда приставъ не имѣлъ права проникать, а для исполненія своей обязанности долженъ былъ выжидать время, когда отвѣтчикъ выходилъ за ворота дома. Отъ дворовъ авторъ переходитъ къ соединеніямъ дворовъ, къ деревнямъ съ ихъ займищами, починками, и выставками, къ сельцамъ и селамъ, къ торгамъ, рядкамъ и городамъ, и подробно объясняетъ ихъ значеніе и отношеніе другъ къ другу, и въ заключеніе говоритъ: «Такъ Русская старина, утвердивъ всѣ свои общины на земельномъ владѣніи, сообщила каждой изъ нихъ право управленія, и отличала одну общину отъ другой, на основаніи предмета и разлнра

этого управления, — на основаніи общественнаго политическаго значенія. Всѣ наши древнія общины, какъ древніе дворы, имѣли общественное значеніе, хотя, разумѣется, не равное, по различію вопросовъ и предѣловъ управленія, имъ предоставленнаго. Отдѣльные крестьянскіе дворы, смыкаясь въ деревни, сельца и села; а потомъ съ ними въ вотчины, боярщинки, волостки, подлежали особенно управленію посельскихъ, волостелей, владѣльцевъ, и составляли преимущественно область частнаго права, но не безъ значительной примѣси общиннаго права; соединеніе дворовъ посадскихъ и городскихъ, для составленія городскихъ общинъ съ ихъ общественными дѣлами, равно какъ соединеніе сельскихъ общинъ въ волости, и городскихъ съ сельскими въ присуды и уѣзды, образовали *управленіе общественное, собственно земское*, за которымъ наконецъ слѣдовала третья высшая инстанція — *управленіе государственное*. И средняя изъ этихъ формъ была самою обширною, самою вліятельною, такъ что ею опредѣлялась область и частнаго права и государственнаго управленія, болѣе или менѣе отлично отъ современнаго значенія этихъ понятій». Земщина, по указаніямъ автора, основаннымъ на памятникахъ, имѣла вліяніе и на государственное устройство, и въ дѣлѣ финансоваго управленія, и на судъ и расправу. Здѣсь авторъ, своимъ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ, добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ и глубокимъ пониманіемъ предмета, съ полною ясностію, доказалъ несостоятельность и поверхность мнѣній и началъ представляемыхъ его противниками; и настоящее его изслѣдованіе, навѣрное, останется руководствомъ для послѣдующихъ изслѣдователей.

Переходя къ установительнымъ законамъ общественнаго права во второмъ періодѣ, авторъ по порядку размѣщаетъ вопросы, — о народонаселеніи, о личномъ и поземельномъ правѣ, о путяхъ сообщеній, о ямской гоньбѣ и почтахъ, о разныхъ видахъ промышленности и о народномъ образованіи.

О народонаселеніи авторъ говоритъ, что на Руси народонаселеніе вытекало изъ семейнаго права, слѣдовательно, имѣло

положеніе самостоятельное, независимое отъ политическихъ соображеній, дѣйствовавшихъ у народовъ древнихъ и новыхъ не Славянской крови. Какъ древніе, такъ и новые народы Запада начинали вопросъ о населеніи съверху, съ его отношенія къ политикѣ и общественному благу, помимо семейнаго права, съ нарушеніемъ всякаго права, узаконяя или насильственными мѣры для его сокращенія, или не выполнѣ нравственныхъ средства къ его умноженію. Ни тотъ ни другой взглядъ не имѣлъ мѣста въ вопросѣ о населеніи въ Россіи. Со временъ христіанства семейство, съ правами его членовъ, переходитъ, по закону и подъ его покровительствомъ, въ вѣдомство церкви, которая старалась содѣлать семью союзомъ моральнымъ, законнымъ, сообразнымъ съ правомъ. Это совпадало съ требованіемъ общины, разсматривавшей населеніе страны какъ массу силъ, производившихъ все въ общинѣ и въ народѣ: богатство, благосостояніе, защиту и обезпеченіе. Населеніе въ древней Россіи не подчинялось постороннимъ виѣшнимъ вліяніямъ. На умноженіе населенія дѣйствовали преимущественно законы о бракѣ, и возрастаніе населенія зависѣло отъ сихъ законовъ почти исключительно. Другимъ средствомъ, къ умноженію населенія, должно признать нерасположеніе народа оставлять свое отечество. Третьимъ средствомъ, столько же народнымъ къ умноженію населенія, было принято свободное допущеніе иноземцевъ въ Русь со временъ отдаленнѣйшихъ. Правительство нуждалось въ познаніи числа населенія съ первыхъ годовъ его появленія, для установленія дани, или по шлячу съ каждаго рала, или по куницѣ съ дыма; но къ поголовному изчисленію до ревизіи Петра Великаго оно не прибѣгло. Писцовыя, переписныя, дозорныя и другія книги, по своему особому устройству, могли служить средствомъ и для финансовыхъ цѣлей и для познанія населенія; но въ нихъ заботились не столько о числѣ людей, сколько объ опредѣленіи ихъ дѣятельности и возможности уплаты податей. Авторъ, на основаніи пріисканныхъ имъ данныхъ, приблизительно опредѣляетъ населеніе

Россіи въ XIII вѣкѣ въ 7,000,000; въ XV и XVI вѣкахъ—болѣе десяти милліоновъ, въ XVII вѣкѣ во время Уложенія — въ 15 милліоновъ; и по ревизіи Петра Великаго — почти въ 20 милліоновъ душъ обоюго пола. Данныя, указанныя авторомъ, конечно, не представляютъ точнаго опредѣленія числа, но нельзя отрицать, что они даютъ число приблизительное, вѣроятное; а при современномъ состояніи источниковъ для насъ важна и эта приблизительность, вѣроятность.

О личномъ и въщномъ правѣ авторъ говоритъ, что семья и государство въ нашемъ народѣ никогда не развивали изъ себя рабства и не сообщали ему отъ себя значенія законнаго общественнаго положенія. Семья нашего народа, и по требованію справедливости и по своему понятію, не бывъ учрежденіемъ политическимъ, въ тоже время никогда не была исключительнымъ установленіемъ частнаго гражданскаго права. Напротивъ, скоро, по выступленіи народа на поприщѣ исторіи, стала она подчиняться вліянію христіанства, да и прежде, съ древнѣйшихъ временъ, находилась подъ господствомъ общины, требовавшей отсутствія рабства и узаконенія свободы для своего установленія и для своей дѣятельности. Съ своей стороны наше государство, ни въ своемъ зарожденіи, ни въ своемъ развитіи, не представляло само по себѣ условій для образованія рабства, въ значеніи необходимаго послѣдствія своихъ учрежденій. Наши князья первоначально долго владѣли только небольшими клочками Русской земли; вся же земля оставалась въ обладаніи всего населенія, которое, по общинной своей связи, владѣло необходимо, владѣло неотъемлемо, даже безъ права отчужденія; съ тѣмъ вмѣстѣ все населеніе постоянно сохраняло свою личную свободу, обеспеченную поземельнымъ правомъ. Конечно, вмѣстѣ съ Монгольскимъ игомъ, поземельныя владѣнія сильно измѣнились, постоянно возраставшія средства князей и постоянно упадавшія средства частныхъ вотчинниковъ и общинъ переводили земельную собственность въ руки князей и обращали ее въ княжью тяглую, которая

все возрастала болѣе и болѣе; но и для княжескихъ и царскихъ крестьянъ и тяглыхъ людей община и общинный союзъ служили великимъ средствомъ личнаго обезпеченія. Отношенія крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ основывались на покрутахъ и порядныхъ записяхъ, которыя обезпечивались сельскою общиною; отношенія крестьянъ къ казнѣ и государству были также посредствуемы крестьянскимъ міромъ, крестьянской общиной. Государство нигдѣ не встрѣчало обособленныхъ личностей, повсюду имѣло дѣло съ цѣлыми общинами и союзами, закрывавшими собою отдѣльную личность. Рабство незначительное хотя и продолжалось почти въ тѣхъ же предѣлахъ, какіе ему были назначены закономъ Русской Правды; но рабамъ законодательство у насъ постепенно обезпечиваетъ болѣе и болѣе свободы отъ произвола владѣльцевъ.» Положенія, здѣсь высказанныя авторомъ съ перваго взгляда кажутся парадоксальными, у насъ какъ то распространено мнѣніе, что древняя Русь особенно способствовала развитію рабства, и была какъ бы обществомъ рабовъ; но авторъ свои положенія основалъ на прямыхъ и ясныхъ свидѣтельствахъ памятниковъ и на глубокомъ ихъ изученіи. При томъ онъ не отвергаетъ существованія рабства въ древней Россіи, а только доказываетъ, что рабство это, сравнительно, было незначительно и не имѣло въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ широкихъ основаній для своего развитія, что община не будучи замкнутою корпораціею, открывая широко свои предѣлы для всякаго желающаго, спасала личность даже тѣхъ, которые, по обстоятельствамъ, находились внѣ всякой общины, и, лишеныя средствъ обезпечить свое существованіе, близились къ опасности потерять свою свободу. И дѣйствительно, по свидѣтельству статистическихъ данныхъ полное рабство было весьма незначительно въ древней Россіи. Я имѣю одну записную холопью книгу конца XVI столѣтія, по Новугу роду, въ которой число полныхъ холоповъ, сравнительно съ кабальными и другихъ наименованій слугами, несоставлявшими полной соб-

ственности господь, не представляет и пятой доли, а противъ крестьянъ едва ли равняется десяти процентамъ, что подтверждаютъ и переписныя или писцовыя книги XVI и XVII столѣтій.

О путяхъ сообщенія авторъ пишетъ, что на Руси не было препятствій къ проложенію дорогъ со стороны государственнаго, княжескаго или частнаго права владѣнія. Напротивъ, въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе: «путь для всѣхъ чистъ, безъ пакости». Въ настоящей періодъ дороги раздѣлялись на *ямскія и проселочныя*; первая постоянно и неограниченно изымали извѣстное пространство земли изъ-подъ частнаго распоряженія, а проселочныя, относимыя къ частнымъ землямъ, имѣли право на землю только подъ извѣстными условіями, съ извѣстными ограниченіями. Ямская дорога должна быть чищена, имѣть крѣпкіе мосты и поправляться каждую весну; работы по ямскимъ дорогамъ лежали повинностію сперва на посошныхъ людяхъ, а потомъ отнесены къ обязанностямъ общинъ, прилегавшихъ къ дорогѣ, и производились всѣми людьми всякихъ чиновъ за одинъ, какъ ясно это свидѣлствуютъ акты, приводимые авторомъ. По словамъ автора, распоряженія договорныхъ грамотъ XIV столѣтія о *пъду по рязань съ версты, а на правду вдвое*, доказываютъ, что уже въ это время разстоянія между средоточіями присудовъ и точками ихъ окружности, измѣрялись верстами, и что дороги были болѣе или менѣе прямолинейныя искусственныя. Цѣлыя же изгонныя книги по Новугу роду свидѣлствуютъ, что въ XV вѣкѣ Новгородъ соединялся дорогами такого рода, измѣренными и положенными въ версты, со всѣми своими тремястами слишкомъ погостами, ямами и городами, слѣдовательно, на пространствѣ цѣлыхъ тысячъ верстъ. Съ другой стороны, указы о *пъду* перваго и втораго Судебниковъ, опредѣляющіе ѣзженое въ одну деньгу съ версты, и устанавлиющіе суммы платежей отъ полтины до 8 рублей за поѣздку изъ Москвы въ разные города во всѣхъ направленіяхъ, доказываютъ, что въ XVI ст. центръ Руси былъ соединенъ ямскими дорогами,

измѣренными и положенными въ версты, со всѣми городами Руси.

Проселочныя дороги раздѣлялись на *пошлыя и не пошлыя*, вновь проложенныя; первая законъ признаетъ обязательными для всѣхъ владѣльцевъ, а вторыя не были обязательны для землевладѣльцевъ, ихъ, по приводимымъ свидѣтельствамъ, можно было засѣчь, загородить, заповѣдать, чтобы по нимъ не ѣздили. Но какъ для проѣзда по дорогамъ нужно было, чтобы ихъ содержать въ исправности относительно мостовъ и гатей; то это содержаніе Русскій законъ отнесъ на отвѣтственность тѣхъ владѣльцевъ, въ имѣніи которыхъ лежали дороги, а въ вознагражденіе за таковыя издержки обязалъ проѣзжающихъ платить хозяину моста и перевоза извѣстную пошлину. Но когда землевладѣльцы изъ дорожной повинности успѣли устроить себѣ привиллегію для сбора произвольныхъ пошлинъ; то законъ, въ 1596 году, принялъ новыя мѣры, ограничивавшія произволь землевладѣльцевъ. Далѣе законъ постоянно обращалъ вниманіе на улучшеніе качества дорогъ. Собранныя авторомъ указанія объ этомъ предметѣ доведены до указа 1753 года, которымъ введенъ совершенно новый порядокъ относительно устройства и содержанія дорогъ, и всѣ дороги объявлены общественнымъ достояніемъ, даровымъ правомъ всего народа.

По связи съ путями сообщенія авторъ переходитъ къ ямской гоньбѣ и почтамъ. Ямскую гоньбу, какъ особенное учрежденіе, авторъ на основаніи источниковъ, начинаетъ съ XIV столѣтія и рѣзко отличаетъ ее отъ общей подводной повинности прежняго времени. Ямская гоньба, какъ особое учрежденіе, отъ подводной повинности отличалась тѣмъ, что для сей гоньбы указаны были особенные пункты, ямы, вдоль общественныхъ путей сообщенія, для усиленія и ускоренія гоньбы первоначальной. Ямская повинность сперва лежала только на тѣхъ общинахъ, которыя были около ямскихъ дорогъ; потомъ, по крайней мѣрѣ со второй половины XVI столѣтія, повинность общинъ, лежавшихъ по ямскимъ дорогамъ, была замѣнена общеою повинностію

для всѣхъ общинъ, и не лежавшихъ по ямскимъ дорогамъ, чрезъ выборныхъ охотниковъ, которые получали отъ своихъ общинъ подмогу и жили въ особыхъ слободахъ по ямскимъ дорогамъ; а еще позднѣе, въ XVII столѣтіи, ямская гоньба изъ натуральной повинности перенесена въ денежную, казна освободила общины отъ представленія ямскихъ охотниковъ, и вмѣсто этого обложила общины сборомъ ямскихъ денегъ, а устройство и пріисканіе ямщиковъ приняла на себя. Наконецъ съ 1668 года ямская гоньба мало-по-малу начала замѣняться почтою. Первая почта въ Россіи была открыта между Москвою и Польшею, по трактату съ Польшею она была еженедѣльною; потомъ, въ 1672 году, была открыта почта изъ Москвы въ Ригу, далѣе, въ 1676 году, упоминается о почтѣ въ Переяславль, въ 1693 году между Москвою и Архангельскомъ и между Москвою и Сибирскими городами, и наконецъ, указомъ 1718 года, предписано было учредить почты по всѣмъ главнымъ городамъ государства. Изслѣдованія автора о ямской гоньбѣ и почтѣ, отличаются передъ другими изслѣдованіями о томъ же предметѣ, особенною полнотою собранныхъ свѣдѣній и умѣньемъ автора допытаться настоящаго смысла отъ древнихъ актовъ.

Переходя къ изслѣдованію о промышленности, авторъ прежде всего собираетъ и разбираетъ указанія о мѣрахъ, вѣсахъ и деньгахъ въ продолженіи втораго періода, и находитъ ихъ общими по всей сѣверо-восточной Россіи, и состоящими подъ надзоромъ правительства, заботившагося объ ихъ опредѣленности и единообразіи; и постепенно мельчающими. Такъ, на примѣръ, относительно денегъ: Московскій рубль въ древности въ XV, XVI и частию въ XVII столѣтіяхъ заключалъ въ себѣ до 20 золотниковъ серебра; потомъ онъ уменьшился до 11 золотниковъ съ 40 долями, далѣе съ 1703 года чеканили рубль въ 5 золотниковъ и 67 долей, а съ 1718 года рубль имѣлъ уже 4 золотника и 81 долю, и наконецъ дошелъ до насъ въ 4 золотника и двадцать одну долю,

Вообще о промышленности втораго періода авторъ гово-

рить: «Общее начало, постоянно господствовавшее и дѣйствовавшее въ нашемъ законодательствѣ относительно промышленности, состояло въ законѣ наибольшаго соперничества, или въ правѣ всѣхъ и каждаго заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ, звѣроловствомъ, земледѣіемъ, ремеслами, торговлею, и при томъ безъ различія званія и состоянія, различія столько важнаго на западѣ Европы. Это право выражалось въ старину въ обычаѣ перехода изъ общины въ общину, изъ села въ городъ, изъ посада въ село, съ земли одного владѣльца на землю другаго».

Переходя къ сельской промышленности авторъ говоритъ: что при свободѣ въ выборѣ промышленности и при безпрепятственности перехода отъ одного промысла къ другому, у насъ сельская промышленность, какъ и прочія, была предоставлена свободному труду; на Руси для этого не было ни рабовъ древняго міра, ни *glebae adscriptos* средневѣковой западной Европы, до конца XVI вѣка. Отсюда понятно, что при свободѣ перехода крестьянъ, система управленія, система работъ, вообще система сельскаго хозяйства и крестьянскаго быта необходимо были до точности одинаковы по всему пространству Руси, и были приняты во всѣхъ подробностяхъ всѣми владѣльцами Русской земли, — иначе крестьяне того времени переходили бы массами изъ области въ другую, изъ хозяйства въ другое, переполняя собою земли одного владѣльца, и оставляя впускъ земли другаго. Или, въ предупрежденіе такового безпорядка, правительство и законъ должны бы были принять свои общія мѣры; но до конца XVI вѣка Русская исторія таковыхъ общихъ мѣръ не представляетъ. Владѣльцы земель у насъ постоянно заключали съ своими крестьянами порядныя записи на основаніи частныхъ сдѣлокъ, и сдѣлки сіи порѣшались обыкновеннымъ гражданскимъ судомъ, на показаніи свидѣтелей, и при посредствѣ общины. Правительство въ эти дѣла не вмѣшивалось, и только, на основаніи обычая, закономъ Судебника 1497 года установлено, чтобы выходы крестьянъ происходили въ

промежутокъ времени, свободнаго отъ полевыхъ работъ, а именно: нераньше, какъ за недѣлю до Юрьева дня, и не позже, какъ недѣлю спустя послѣ Юрьева дня осенняго. Кромѣ земледѣлія и другіе виды сельской промышленности: пчеловодство и рыбная ловля также производились вольнымъ трудомъ на основаніи частныхъ сдѣлокъ, только съ соблюденіемъ своихъ правилъ, указанныхъ самою природою промысловъ. Такимъ образомъ сельское хозяйство почти до конца XVI вѣка было въ рукахъ общинъ и отдѣльныхъ владѣльцовъ; съ сего же времени, въ помощь къ усиліямъ сихъ дѣятелей, появляются правительственныя государственныя мѣры. Мѣры сіи авторъ раздѣляетъ на два разряда, именно: на мѣры, относящіяся къ сельскому хозяйству, какъ промыслу, и на мѣры въ пользу сельскаго хозяйства, какъ промышленности, и къ послѣднимъ относитъ распоряженія правительства въ пользу винодѣлія и горныхъ промысловъ, а также законы Петра Великаго, касающіеся лѣсоводства, скотоводства и проч.

О правѣ ремесленной и заводской промышленности авторъ пишетъ, что ремесла, или рукомерла, т. е. промыслы, основанные на ручной работѣ, были у насъ издавна извѣстны; но не всѣ и не въ надлежащей степени развитія. Помогало ихъ размноженію начало свободы промысловъ, по которому всякій могъ заниматься ремеслами. Но занятіе ремеслами, при всей своей свободѣ, не могло оставаться безъ вліянія общества; впрочемъ это вліяніе у насъ не стѣсняло общественнаго положенія ремесленниковъ, у насъ не были извѣстны ни *collegiati* и *servi publici* древности, ни неизмѣнные члены западнаго цеха, хотя наши ремесленники и составляли корпораціи съ самыхъ древнихъ временъ, извѣстныя подъ именемъ дружинъ, и имѣли своихъ старѣйшинъ и начальниковъ. Но дружины сіи у насъ имѣли ту особенность, что при дружинномъ началѣ на всегда сохраняли для членовъ свободу вступленія, выхода и перехода на равнѣ съ другими Русскими общинами, и никогда не были замкнутыми исключительными корпораціями Запада. Наши

ремесленники сначала учились, по свободному частному соглашенію, у древнѣйшихъ своихъ мастеровъ и учителей — Грековъ. Впослѣдствіи времени Русское правительство, вызывая съ Запада иноземныхъ мастеровъ, возлагало на нихъ обязанность учить Русскихъ людей ихъ ремеслу. Эта выписка иноземцевъ особенно начала развиваться съ XVI столѣтія; съ этого же времени правительство стало обращать особенное вниманіе на ремесла, и ремесленники раздѣлились на царскихъ и частныхъ, и первые приняли служебный характеръ; впрочемъ распоряженія правительства не вводили никакихъ стѣсненій и оставались вѣрными древнему духу нашихъ свободныхъ дружинъ.

Заводская промышленность, по указанію автора, самая древняя была солотоваренная, которая уже въ XVI вѣкѣ сообщала своимъ хозяевамъ право владѣть вотчинами, строить крѣпости, имѣть собственный судъ и расправу; но, кажется, также были древніе заводы юфтянные, или кожевенные, селитряные. Заводская и фабричная промышленность собственно стали развиваться со временъ Петра Великаго, подъ покровительствомъ государства. Петръ давалъ фабрикантамъ и заводчикамъ разныя обширныя привилегіи, и считалъ оныя дѣломъ почти государственнымъ, и только съ половины XVIII вѣка фабричная промышленность стала разсматриваться въ нашемъ законодательствѣ какъ дѣло народа, а не государства.

О торговой промышленности авторъ говоритъ, что симъ промысломъ на Руси, по началу свободы промысловъ, первоначально занимались всѣ, кто хотѣлъ и могъ, и князья и бояре, и духовенство и крестьяне. Собственно съ древнѣйшихъ временъ у насъ были три главные дѣятели торговли: казна, иноземцы и Русскіе, всякаго чина, люди. Казна торговала постоянно и имѣла своихъ торговыхъ агентовъ, — гостей и купцовъ гостинной сотни; иноземцы въ XVI столѣтіи у насъ имѣли обширныя привилегіи по торговлѣ, подъ покровительствомъ правительства, потомъ привилегіи сіи стали стѣсняться мало по

малу по настоянію Русскихъ торговцовъ, и наконецъ новоторговымъ уставомъ 1656 года были приняты такія ограниченія, которыя иноземную торговлю предоставляли въ исключительное право Русскихъ подданныхъ, и очень походили на запрещеніе иноземцамъ торговать съ Россією. Правила новоторговаго устава, въ основаніи своемъ, были почти одинаковыми съ правилами высказанными въ XII столѣтіи Всеволодовой грамотою, данною Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ, только въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ переступили древнюю мѣру ограниченія иноземныхъ торговцевъ. Изъ Русскихъ подданныхъ съ половины XVI вѣка торговля, какъ постоянный промыселъ, была предоставлена только городскимъ жителямъ, прочимъ же классамъ Русскаго общества дозволялось только продавать свои произведенія изъ первыхъ рукъ. Торговля издревль раздѣлялась на *внѣшнюю и внутреннюю*; внѣшняя торговля, открытая веѣмъ Русскимъ, съ XVI столѣтія стала ограничиваться относительно предметовъ вывоза, появились заповѣдные товары, которыхъ недозволялось продавать: на сѣверовосточной границѣ жельзныя издѣлія и мѣдныя деньги, а на западной границѣ съѣстные припасы. Внутренняя торговля раздѣлялась на хлѣбную, оптовую и розничную; хлѣбная торговля была предоставлена веѣмъ классамъ, но съ указа 1660 года запрещается купцамъ скупать хлѣбъ по деревнямъ въ отвозъ; симъ указомъ требуется, чтобы крестьяне сами отвозили на продажу хлѣбъ сперва въ свои ближайшіе города, а что за тѣмъ останется, доставляли на продажу въ Москву. Оптовая торговля была предоставлена веѣмъ купцамъ по веѣмъ городамъ, а розничная дозволялась только мѣстнымъ торговцамъ въ каждомъ городѣ. Въ старое время на Руси, для развитія торговли, были ярмарки, и торговля компаніями въ складчину, и учрежденіе торговыхъ лавокъ, буищъ или складочныхъ мѣстъ, торговыхъ площадей и подворьевъ для пріѣзжающихъ купцовъ; но, конечно, лучшемъ мѣроу развитія было наибольшее соперничество торговцовъ по закону свободы промысловъ.

Изслѣдованіе автора о разныхъ видахъ промышленности вообще представляетъ полную разнообразную картину Русской промышленности стараго времени, и такую картину, каковой еще не представляла наша историческая литература. Авторъ не только успѣлъ собрать огромную массу свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но и умѣлъ собраннымъ свѣдѣніямъ дать научное значеніе и надлежащій смыслъ. У него не рѣдко не большая и уже извѣстная грамота получаетъ весьма важное значеніе и раскрываетъ дѣло на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ; такъ, напримѣръ, извѣстная грамота Всеволода, данная въ XII столѣтіи Иванской купеческой общинѣ въ Новгородѣ, сличенная авторомъ съ разными подобными грамотами послѣдующихъ столѣтій вплоть до новоторговаго устава 1656 года, является почти руководствомъ для производства иностранной торговли во все послѣдующее время.

Отъ промышленности авторъ переходитъ къ *праву образованія*, или *народному просвѣщенію*, и говоритъ: «Законъ, опредѣлившій участіе Русскаго народа въ созданіи матеріальной цивилизаціи и въ пользованіи ея плодами, равномерно долженъ былъ повториться и въ сферѣ древней духовной цивилизаціи, и установить задачу, средства и результаты образованія по началамъ общественнаго права. На Руси въ древности не было ни особыхъ системъ знанія, пріобрѣтаемыхъ для внѣшней спеціальной цѣли, ни особыхъ классовъ народа, исключительно призываемыхъ къ участію въ просвѣщеніи, ни опредѣленныхъ мѣстъ для ученія, закрытыхъ для большинства по своей отдаленности, ни особыхъ средствъ преподаванія, недоступныхъ для массы, по неизвѣстности для нея иноземнаго языка». Въ доказательство своихъ положеній авторъ подробно разбираетъ историческіе факты, относящіеся къ сему предмету; и изъ его разбора оказывается, что ученіе у насъ было: во 1-хъ, домашнее, въ семействахъ, во 2-хъ частное, мірское, по городамъ и селамъ, и въ 3-хъ общественное, княжее и монастырское, по стольнымъ городамъ князей и по кафедрамъ митрополитовъ и

епископовъ. Ученіе въ древней Россіи до Монголовъ обнимало собою, сверхъ чтенія и письма, счисленія и пѣнія, всѣ предметы, входившіе въ составъ тогдашняго Византійскаго образованія. Разумѣется преимущественное участіе въ образованіи принадлежало болѣе обеспеченнымъ классамъ; но и весь народъ могъ идти параллельно съ своими высшими классами и ходомъ поступательнымъ впередъ, вмѣстѣ съ успѣхами этихъ классовъ и съ развитіемъ самаго образованія; ибо онъ имѣлъ открытій доступъ ко всѣмъ школамъ сельскимъ и городскимъ, и ко всѣмъ знаніямъ даже духовнымъ, и при этомъ пользовался важнымъ удобствомъ все читать на родномъ и понятномъ для себя языкѣ. Въ такомъ положеніи находилось народное образованіе до Монголовъ; но Монгольское владычество, по словамъ автора, слишкомъ два вѣка тяготѣвшее надъ Русью, могло остановить естественное движеніе Русскаго народнаго образованія, преградивъ для народа сближеніе съ Византіей, и заслонивъ отъ него цивилизацію запада.

Я не спорю, что Монгольское иго, до нѣкоторой степени, преграждало Руси сближеніе съ Византією и съ нѣкоторыхъ сторонъ заслоняло цивилизацію Запада; но чтобы оно могло остановить естественное движеніе Русскаго народнаго образованія, съ этимъ мудрено согласиться, ибо, съ одной стороны, Русское образованіе, какъ чисто національное, разлитое, какъ говоритъ самъ же авторъ, по всему народу, не могло быть остановлено въ своемъ движеніи игомъ большею частію внѣшнимъ, мало касавшимся внутреннихъ сторонъ народной жизни; а съ другой стороны самые факты нисколько не доказываютъ остановки народнаго образованія во время Монголовъ. Ибо, ежели сравнить литературныя Русскія произведенія до Монголовъ и при Монголахъ, то послѣднія едва ли не превзойдутъ первыхъ и по числу и по содержанію; а мужей извѣстныхъ ученостію и образованіемъ Монгольскій періодъ представитъ болѣе прежняго, тоже должно сказать и о вопросахъ, которые затрогивалъ Русскій умъ во время Монгольскаго владычества, — вопросовъ

сихъ было гораздо болѣе противъ прежняго времени, и самые вопросы были обширнѣе и важнѣе. Стоитъ только припомнить имена митрополитовъ, Кирилла, Петра, Алексѣя, Кипріяна, Іоны, Фотія, Григорія Цамблака; епископовъ, — Серапіона Владимірскаго, Стефана Пермскаго, Василя и Моисея Новгородскихъ, Діонисія Суздальскаго, Кирилла Игумена Бѣлозерскаго и другихъ. Авторъ, въ подтвержденіе своей мысли, ссылается на извѣстное посланіе Новгородскаго Архіепископа Геннадія, который проситъ объ учрежденіи въ Новгородѣ училищъ отъ имени великаго князя, и жалуется, что къ нему приводятъ невѣждъ для поставленія въ священники. Но просьба о заведеніи въ Новгородѣ училища по повелѣнію великаго князя еще не доказываетъ, чтобы тамъ не было училищъ: училища и учителя были, какъ видно изъ самаго же посланія; а жалоба, что приводятъ невѣждъ ставить въ священники, указываетъ только на своеволие и плохой выборъ прихожанъ*), а не на то, чтобы не было людей просвѣщенныхъ, при самомъ Геннадіи было довольно ученыхъ иноковъ, которые занимались переводами нѣкоторыхъ книгъ священнаго писанія, а современники Геннадіева Іосифъ Волоцкій о Нилѣ Сорскій, съ своими многочисленными и замѣчательными учениками, ясно опровергаютъ мнимую жалобу на недостатокъ просвѣщенныхъ и ученыхъ мужей. Самыя распоряженія Стоглава подтверждаютъ смыслъ Геннадіева посланія. Царь въ Стоглавѣ жалуется собору не на недостатокъ ученія, а на плохой надзоръ за ученіемъ: «ученики учатся небрегомъ». Отвѣтъ же собора царю еще сильнѣе утверждаетъ, что недостатокъ былъ собственно въ надзорѣ за ученіемъ; Соборъ, своимъ опредѣленіемъ, положилъ, чтобы ученіе находилось подъ надзоромъ старшихъ священниковъ въ каждомъ городѣ, чтобы они наблюдали за порядкомъ ученія и са-

*) О своевольствѣ и плохомъ выборѣ прихожанъ отчетливо говоритъ Стоглавъ, и изъ словъ Стоглава вполне видно, что плохой выборъ въ священники зависѣлъ отъ другихъ причинъ, а не отъ того, что не изъ кого было выбирать.

ми выбирали учителей. Следовательно, ежели и былъ упадокъ въ ученіи, то только въ публичномъ, подъ надзоромъ определенныхъ отъ правительства лицъ: да и тотъ упадокъ происходилъ не отъ Монгольскаго ига, а отъ другихъ причинъ, и при томъ сдѣлался замѣтнымъ не задолго до Стоглава, можетъ быть въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка. Самъ Соборъ 1551 года утверждаетъ, что прежде сего училища бывали въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ, въ Великомъ Новгородѣ и въ другихъ городахъ; а, конечно, Московскія училища прямо должны быть отнесены къ Монгольскому періоду, ибо въ это только время Москва сдѣлалась значительною и могла имѣть своя училища. Такимъ образомъ задача Собора 1551 года состояла собственно въ введеніи большаго порядка въ ученіи и строгаго надзора. Впрочемъ, авторъ, признавая упадокъ просвѣщенія во время Монгольскаго владычества, не отвергаетъ, что и въ это время книжное ученіе продолжалось, и, по прежнему, было домашнее, частное или общинное и общественное.

Далѣе авторъ говоритъ, что съ XVI вѣка правительство и духовенство хлопочуть о введеніи общаго высшаго образованія. У правительства въ это время зародилась мысль о заведеніи университетовъ, подобныхъ существовавшимъ на Западѣ, которая мысль впрочемъ не была приведена въ исполненіе. Духовенство съ своей стороны, особенно со-временъ патріаршества, и собственно съ XVII вѣка даже успѣло завести нѣкоторыя высшія училища, таковы: патріаршая Греко-Латинская школа въ Чудовѣ монастырѣ, учрежденная патріархомъ Филаретомъ, ученое братство также въ Чудовѣ монастырѣ, устроенное стараніемъ патріарха Никона и боярина Ртищева, Законоспасская академія открытая царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ, и Греко-Латинская школа въ Новгородѣ, учрежденная тамошнимъ митрополитомъ Ювомъ.

Обращаясь къ практическому или нравственно-религіозному образованію, авторъ указываетъ, согласно съ источниками, на постоянное вліяніе церкви на семью, общину и государ-

ство, и на плоды этаго вліянія, и въ заключеніе пишетъ: «Обозрѣвая все изложенное, мы должны воображать себѣ древнюю Русь равниною, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Не было у нея ни лицъ ни сословіи, которыя бы рѣзко выдѣлялись изъ массы, подлежащей общему уровню. Но эта равнина была подвижна, жива, растуца. Все лучшее, появлявшееся въ убѣжденіи и въ жизни одного семейства, по связи семействъ переходило въ общину, и воплощалось въ ея особыхъ органахъ, для разширенія на всѣхъ ея членовъ, такъ что съ своей стороны общины поднимали отдѣльныя семейства до своего новаго уровня, и содѣйствовали въ тоже время развитію общаго правительственнаго элемента. Послѣдній, твердо опираясь на такихъ постоянно возвышавшихся основаніяхъ, самъ возрасталъ съ ихъ ростомъ, и въ свое время помогалъ развитію общинъ, поднимая ихъ до себя, до своихъ убѣжденій. Общественность и всенародность, общественное мнѣніе и всенародный судъ были въ Россіи явленіями необходимыми, неизбежными. Санъ и почетъ, а не чины и почести составляли гордость отдѣльныхъ личностей древности. Сочувствіе къ народу и мудрое содѣйствіе народному составляли задачу правительства. По сему праву, выросшее изъ жизни народа, и просвѣщеніе, сросшееся съ народомъ, и каждое положеніе науки, содѣлавшееся достояніемъ цѣлаго народа, — все это вело къ консерватизму, который, однакожь, не былъ застоємъ, а плавнымъ движеніемъ цѣлаго океана волнъ, не примѣтнымъ только для бѣглаго взгляда. Ничего на-скоро, ничего не зрѣлаго, а все съ подготовленіемъ, но за то съ неотразимымъ выполненіемъ».

Покончивши съ первымъ отдѣломъ своего труда — съ законами установительными, авторъ переходитъ ко второму отдѣлу своей науки — къ исторіи охранительныхъ законовъ и раздѣляетъ ихъ на *предупредительные* и *возстановительные*. Первое отдѣленіе предупредительныхъ законовъ у него занимаютъ законы противъ враждебныхъ дѣйствій природы. Онъ это отдѣленіе начинаетъ полнымъ и отчетливымъ, еще доселѣ не

бывалымъ въ нашей литературѣ, историческимъ изслѣдованіемъ о неурожаяхъ, голодахъ и мѣрахъ народнаго продовольствія въ древней Россіи, начиная съ 1024 года и оканчивая 1608 годомъ. По изслѣдованію автора, неурожайныхъ годовъ въ Россіи, съ XII по XVI столѣтіе включительно, приходилось почти по восьми на столѣтіе, такъ что неурожай повторялся почти чрезъ каждыя 13 лѣтъ. Мѣры къ прекращенію голодовъ, употреблявшіяся въ древней Россіи, были: 1-е молитва къ Богу; съ половины XVII столѣтія встрѣчаемъ общія распоряженія о всенародномъ единовременномъ молитвословіи, которое устанавливается при неурожаѣ, или явленіяхъ грозящихъ голодомъ и моромъ; 2-е для предупрежденія голода, народъ призывалъ къ труду, усиліямъ и соображеніямъ, которыхъ требовало развитіе земледѣлія, и которые имѣли цѣлю умноженіе и разнообразіе посѣвовъ, т. е., ежели одинъ хлѣбъ не уродится, то надѣялись, что другой еще принесетъ плодъ; 3-е купля и подвозъ хлѣба и вообще хлѣбная торговля считалась средствомъ къ отвращенію голода; и 4-е самымъ дѣйствительнымъ средствомъ считались запасы хлѣба у частныхъ лицъ, у торговцевъ, и въ монастыряхъ и въ царскихъ житницахъ. Съ XVII вѣка всѣ эти мѣры переносятся изъ сферы частнаго благоразумія и общиннаго попеченія въ сферу государственной законодательной дѣятельности; всенародные молитвы, какъ уже сказано, посты и покояніе предписываются грамотами патриарховъ; свѣтская власть принимаетъ свои разнообразныя мѣры, — каковы были: 1-е мѣры для обезпеченія продовольствія рабовъ: по Уложенію господъ, во время голода, должны содержать своихъ рабовъ, а не сгонять съ двора безъ отпускныхъ, или въ противномъ случаѣ рабамъ выдавались отпускныя изъ холопья Приказа, противъ воли господъ; 2-е мѣры для продовольствія свободныхъ но бѣдныхъ классовъ: по указу 1662 года предписывается митрополитамъ и властямъ, дворянамъ и всякихъ чиновъ людямъ, вывозить хлѣбъ на рынки для продажи, а мѣстнымъ начальствамъ скупать хлѣбъ на счетъ

казны и продавать по указной цѣнѣ бѣднымъ людямъ, а кому купить не на что, тѣмъ давать въ долгъ съ поруками; 3-е для обезпеченія продовольствія Сибири были заведены особыя житницы съ запаснымъ хлѣбомъ на Верхотурьи; и 4-е общія мѣры продовольствія для обезпеченія продовольствія для всего народа въ 1660 году высказались слѣдующимъ образомъ: «царь повелѣлъ боярамъ узнать отъ торговыхъ людей, отъ чего произошла дороговизна хлѣба и всѣхъ съѣстныхъ припасовъ, и какъ ее отвратить; и послѣ отвѣтовъ, данныхъ торговцами, предписалъ: 1-е чтобы крестьяне сами возили хлѣбъ и все съѣстное въ города, а чтобы купцы не скупали хлѣба по деревнямъ въ отвозъ; 2-е чтобы крестьяне весь запасъ свой, за исключеніемъ, что нужно для собственнаго продовольствія, вывозили на рынки; и 3-е чтобы везли въ Москву хлѣбъ и соль изъ всѣхъ понизовыхъ и Украинныхъ мѣстъ, и продавали мѣрною цѣною». Въ настоящемъ отдѣлѣ, разбирая лѣтописныя извѣстія о голодахъ, авторъ, между прочимъ, представляетъ слѣдующее весьма интересное переложеніе древнихъ цѣнъ во время дороговизны хлѣба на нынѣшнія деньги. Онъ говоритъ: «дорогія цѣны на хлѣбъ стояли въ древней Россіи между 3 и 20 гривнами кунъ за кадъ. При послѣдней цѣнѣ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ изъ-за моря спасенъ отъ крайней гибели. Обычное же колебаніе высокихъ цѣнъ въ разные годы недорода совершалось между 3 и 10 гривнами кунъ. 3 гривны за кадъ ржи считалось дорогою цѣною, а 3 гривны кадъ даетъ $37\frac{1}{2}$ кунъ за четверть, или на серебрянныя копѣйки, 94 коп. почти 1 рубль, а на теперешнія деньги почти 10 руб. сер. Цѣна весьма высокая, между тѣмъ, какъ говоритъ лѣтопись, пакости не бысть въ людяхъ, также точно, какъ при цѣнѣ въ 4, 5 и 6 гривенъ кунъ за кадъ. Смертельный голодъ большинства населенія являлся тогда, когда кадъ ржи платилась въ 8 и 10 гривенъ кунъ, и когда, слѣдовательно, четверть ржи на нынѣшнія деньги стоила 25 или 40 рублей серебромъ». Дѣйствительно послѣдняя цѣна ужасная: сорокъ

рублей серебромъ четверть ржи, стало быть четверикъ 5 руб. сер. Это просто голодная смерть; не даромъ лѣтописецъ говорить, что еще такого голода никогда не бывало.

О болѣзняхъ и мѣрахъ на пользу народнаго здравія авторъ говоритъ, что противъ повальныхъ болѣзней, заразъ, Русскій народъ употреблялъ средства, частію тѣже, которыя употреблялись и въ Западной Европѣ въ средніе вѣка: 1-е посты, молитвы, крестные ходы и построение обыденныхъ церквей; 2-е прерваніе сообщеній съ мѣстами заморными посредствомъ костровъ или заставъ, оцѣпленіе улицъ, частей города и домовъ, для прерванія сообщенія зачумленныхъ съ здоровыми; и 3-е погребеніе умершихъ отъ повальной болѣзни въ особыхъ мѣстахъ, называемыхъ скудельницами. Средства сіи, по свидѣтельству приведенныхъ авторомъ памятниковъ, употреблялись и въ XII и XIII и въ XIV столѣтіяхъ, до знакомства Русскихъ съ западно-Европейскими медиками, и въ XV и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда уже Европейскіе медики лѣчили въ Москвѣ. Здѣсь авторъ еще разбираетъ дѣятельность Европейскихъ медиковъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, и находитъ, что сіи пришельцы ни сколько не способствовали распространенію въ народѣ здравыхъ понятій о медицинѣ, они лѣчили только царя и бояръ, и иногда посылались въ войска, бывшія въ походѣ. Народъ же Русскій лѣчился своими средствами—по преданію и по опыту. Но мнѣ кажется такъ называемыя здравыя понятія о медицинѣ, бывшія у тогдашнихъ заѣзжихъ въ Москву медиковъ, сильно хворали алхиміей и астрологіей; и народъ Русскій едва ли что проигрывалъ, не заражаясь такими понятіями отъ заѣзжихъ медиковъ; а между тѣмъ, чисто медицинское понятіе проникало въ жизнь Русскаго народа и мимо заѣзжихъ медиковъ; какъ свидѣтельствуется самъ авторъ, указывая по памятникамъ, что народъ зналъ врачебныя свойства разныхъ травъ и корней; или я имѣю официальные свидѣтельства, что въ XVII вѣкѣ Русскому народу было уже извѣстно кровопусканіе, и когда заѣзжіе медики разсматривали по планидамъ въ какіе

дни и часы руду метать, въ это же время мужики и женки ходили по городамъ и деревнямъ и занимались рудометнымъ промысломъ, не справляясь съ планидами.

Отъ законовъ или мѣръ противъ голода и болѣзней авторъ переходитъ къ законамъ противъ пожаровъ и наводненій, или вообще враждебныхъ дѣйствій природы на имущество человека. О пожарахъ авторъ говоритъ: «Мѣры противъ огня были сперва частныя, но въ послѣдствіи перешли къ дѣятельности обществъ, — общинъ, городовъ, сель и улицъ. По свидѣтельству лѣтописей противъ усилившихся пожаровъ древнѣйшею мѣрою были постъ и крестное хожденіе, а потомъ дружное и дѣятельное пособіе сосѣдей и цѣлыхъ улицъ и городовъ, которыя разламывали горячіе дома, и такимъ образомъ отнимали у огня добычу. Въ Москвѣ въ XV столѣтіи самъ государь принималъ дѣятельное участіе въ тушеніи пожаровъ; съ XVI вѣка введены въ Москвѣ рѣшетки и объѣзжіе головы съ своими помощниками, которые, по наказу, ѣздили по улицамъ съ начала весны до осени, и смотрѣли, чтобы лѣтомъ никто избѣ и мыленъ не топилъ, чтобы никто съ огнемъ не ходилъ и ночью поздно не сидѣлъ, чтобы кузнецы, серебрянники и тому подобные мастера выносили свои мастерскія въ огороды на лѣтнее время. Объѣзжіе, въ случаѣ пожара, должны были являться съ своими людьми и съ снарядами, и стараться дома отъ огня отнимать и огонь тушить. Этотъ порядокъ изъ Москвы скоро перешелъ, по распоряженію правительства, въ Новгородъ и другіе города; приказано было ставить на избахъ бочки съ водою и вѣники на шестахъ; наконецъ, въ 1583 году, эти распоряженія изъ городовъ проникли въ села. Далѣе въ 1681 году изданъ былъ указъ о томъ, какъ строить въ Москвѣ дома въ предупрежденіе пожаровъ: симъ указомъ запрещается дѣлать соломенные кровли, и предписывается въ Кремлѣ и Китаѣ и около сихъ мѣстъ строить каменные, а не деревянные дома». Къ симъ узаконеніямъ противъ пожаровъ автору слѣдовало бы присоединить замѣчательные указы 1629 года, изъ которыхъ

видно, что въ Москвѣ прежде еще этого года была пожарная команда изъ ста человекъ ярыжныхъ, которые состояли введеніи Земскаго Приказа; вновь же предписано: 1-е прибрать еще 100 ярыжныхъ и выдавать имъ жалованье изъ государственной казны изъ Большаго Прихода; 2-е всѣхъ извозчиковъ Московскихъ вѣдать въ Земскомъ Приказѣ и переписать въ книги; 3-е на казенный счетъ устроить бочки и телеги, 50 парусовъ по 5 и по 4 сажени, да на щиты 100 лубовъ, а щиты дѣлать съ рукоятями, а бочки были бы съ водою; 4-е чтобы на случай пожара каждый день и каждую ночь стояло на Земскомъ дворѣ по 20 человекъ извозчиковъ съ лошадьми; 5-е по большимъ улицамъ имѣть по колодезю на каждые десять дворовъ для пожарнаго времени; и 6-е изъ тѣхъ же указовъ видно, что на пожары должны были являться стрѣльцы по наряду изъ Стрѣлецкаго Приказа.

О наводненіяхъ авторъ говоритъ, что Россія, по мѣстополюженію своему, не много терпѣла отъ сего несчастія; и потому о мѣрахъ противъ него очень мало извѣстій въ памятникахъ; впрочемъ есть указанія, что отъ наводненій спасались перенесеніемъ строеній на болѣе возвышенныя мѣста, а также знали водопроводное искусство, и дѣлали перекопы или каналы еще въ XIV столѣтіи, какъ значится въ лѣтописи Каменнаго Монастыря.

Далѣе авторъ излагаетъ исторію предупредительныхъ законовъ противъ дѣйствій человека; здѣсь онъ говоритъ о *паспортахъ и ценсурѣ*. Паспорты или проѣзжіе грамоты для Русскихъ людей внутри Россіи не были извѣстны до 1719 года; ихъ мѣсто занимали *знатки*, т. е. никто изъ пріѣзжихъ или изъ вновь пришедшихъ не могъ быть принятъ ни въ какую общину, ежели онъ въ этой общинѣ не имѣетъ знакомаго, который бы зналъ, кто онъ и откуда; потомъ въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ знатковъ замѣнила записка новопришедшаго въ книгу на Земскомъ дворѣ. Но выходъ изъ Россіи съ XV вѣка никому не дозволялся безъ проѣзжихъ грамотъ, равнымъ образомъ и

иностранцы должны были имѣть проѣзжія грамоты для входа въ Россію. Пропускныя записки или виды въ XVII столѣтіи требовались еще для преступниковъ, отсидѣвшихъ урочные годы въ тюрьмѣ, и для крестьянъ, отпускаемыхъ господами для работъ на сторону. О ценсурѣ авторъ говоритъ: зачатки ценсуры являются еще въ Стоглавѣ, гдѣ предписывается списывать священныя книги съ добрыхъ переводовъ и исправлять; а написанныя не вѣрно повелѣно отбирать у покупателей и продавцевъ; равнымъ образомъ отбирать и книги еретическія; тоже иногда дѣлалось и въ XVII столѣтіи, но не иначе какъ по суду духовному, по соборному опредѣленію. Но ценсура, какъ просмотръ извѣстнымъ, опредѣленнымъ отъ правительства, лицомъ рукописи передъ печатаніемъ началась не раньше какъ 1720 года, въ которомъ изданъ былъ указъ, чтобы въ Черниговской и Кіевопечерской типографіяхъ не печатать ни одной книги безъ дозволенія духовной коллегіи; ценсура же, на всѣ книги безъ исключенія, началась съ указа 1776 года отъ 22 Августа.

Наконецъ авторъ переходитъ къ послѣднему отдѣлу своей науки, — къ законамъ охранительнымъ или къ праву взаимной помощи; отдѣлъ сей онъ начинаетъ общею исторіею призрѣнія до христіанства въ древнихъ государствахъ Египта, Іудей, Греціи и Рима, и со введенія христіанства въ Римской имперіи и въ Западно-Европейскихъ государствахъ. О призрѣніи въ Россіи онъ говоритъ: Христіанское призрѣніе у насъ началось съ X и XI столѣтій примѣромъ князей и закономъ, относящимъ вопросъ о нищихъ къ церковному управленію. Такимъ образомъ у насъ призрѣніе почти съ самаго введенія христіанства разпалось на два вида: призрѣніе державшееся благотворительностію государей, и призрѣніе церковное, основанное на благотворительности частныхъ лицъ, которыя дѣлали пожертвованія и вклады въ монастыри и церкви. Потомъ призрѣніе церковное разпалось еще на два вида: призрѣнія при монастыряхъ и епископскихъ каюдрахъ, и призрѣніе при приходскихъ церквахъ, кото-

рое незамѣтно соединилось съ общиннымъ, и сдѣлалось церковно-общиннымъ. Памятники, указанные авторомъ, свидѣтельствуя, что при церквахъ по городамъ и селамъ находились кельи для нищихъ, питающихся отъ церкви, т. е. пожертвованіями прихожанъ. Въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству Стоглава, въ городахъ были богадѣльни, содержимыя милостынею христіанцевъ и царскимъ пособіемъ, въ которыхъ отъ Царя назначались приказчики и смотрители: такимъ образомъ явился новый видъ призрѣнія подъ казеннымъ управленіемъ, и въ этомъ видѣ открылись первыя злоупотребленія, — приказчики стали отказывать истинно нуждающимся въ призрѣніи, и принимать только тѣхъ, которые давали имъ деньги. Соборъ, чтобы прекратить такія злоупотребленія, опредѣлилъ по всемъ городамъ устроить мужскія и женскія богадѣльни подъ управленіемъ священниковъ и выборныхъ людей отъ общинъ; при чемъ священники должны были учить нищихъ страху Божию. По селамъ Стоглавъ оставилъ прежнее приходско-общинное призрѣніе. Но ни церковное, ни царское ни общинное призрѣніе не уничтожило частной благотворительности, — даже въ XVII вѣкѣ сами цари, патріархи, архіереи, бояре и народъ любили давать ручную милостыню; и въ слѣдствіе сего нищія раздѣлялись на богадѣльныхъ, живущихъ въ богадѣльняхъ, и гулящихъ, питающихся ручнымъ подаваніемъ, жившихъ, гдѣ кому придется. Въ 1682 году былъ составленъ проэктъ объ учрежденіи въ Москвѣ двухъ шпиталевъ по образцу Западно-Европейскихъ, чтобы забрать въ Москвѣ всѣхъ гулящихъ нищихъ больныхъ, которые работать не могутъ; на содержаніе сихъ шпиталевъ назначались вотчины, бывшія за Архангельскимъ владыкою и Знаменскимъ Монастыремъ, и сборы съ церквей; но проэктъ этотъ несостоялся. Замѣчательно, что при составленіи его вычислено въ Москвѣ гулящихъ нищихъ только около 1000 человекъ. Съ 1691 года начинаются новыя мѣры противъ нищенства: указомъ отъ 30 Ноября сего года предписано всѣхъ нищихъ забранныхъ въ Москвѣ, которые по осмотру окажутся

здоровыми, отсылать въ тѣ посады и волости, откуда они пришли, а ежели въ другой разъ попадутся въ нищенствѣ, бить кнутомъ и отправлять въ ссылку въ дальніе Сибирскіе города. А указомъ отъ 20 Іюня 1718 года мѣра сія съ большими строгастями, распространена на всю Россію, и положено закономъ: увѣчныхъ нищихъ отправлять въ богадѣльни, а здоровыхъ, бивъ кнутомъ нещадно, отсылать на прежнія мѣста жительства, гдѣ ихъ заставлятъ работать, чтобы даромъ хлѣбъ неѣли; а ежели попадутся въ другой разъ въ нищенствѣ, то, бивъ на площади кнутомъ, отсылать въ каторжную работу, а бабъ въ шингаузъ, а робятъ на суковный дворъ, или къ прочимъ мануфактурамъ. Наконецъ указомъ отъ 16 Ноября 1720 года повелѣно: «нищимъ милостыни по улицамъ и при церквахъ не просить, и никому не давать, подъ страхомъ штрафа съ подающаго милостыню по 5 рублей за каждый разъ, за каждую подачу». Авторъ весьма правильно заключаетъ, что распространеніе нищенства и тунеядства происходило отъ излишняго развитія ручной милостыни и отъ ослабленія общинной дѣятельности въ призрѣніи бѣдныхъ. Дѣйствительно, общинное призрѣніе, сильно дѣйствовавшее въ прежнее время, и устроенное Стоглавомъ, должно быть къ концу XVII вѣка далеко не имѣло прежней силы. Это ясно свидѣтельствуетъ, приводимый авторомъ, Петровъ современникъ, знаменитый Русскій крестьянинъ Посошковъ: онъ, не довольный указомъ 1720 года объ отмѣнѣ ручной милостыни, предлагаетъ старыя мѣры противъ нищенства: 1-е общинное призрѣніе и заведеніе богадѣленъ по приходамъ при церквахъ, въ городахъ, селахъ и погостахъ, для истинно-нуждающихся; 2-е предписаніе владѣльцамъ кормить своихъ крестьянъ, а не пускать по мѣру. Значитъ мѣры сіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка уже не существовали, значитъ, къ тому времени, общинное и церковное призрѣніе разстроилось: и это было главною причиною нищенства и тунеядства, а въ слѣдствіе того и строгихъ мѣръ закона».

Вопросомъ о противодѣйствіи нищетѣ авторъ оканчиваетъ свое изслѣдованіе по исторіи общественнаго права въ древней Россіи, и въ заключеніи представляетъ общій видъ нашей древности, въ сравненіи съ общимъ видомъ новой эпохи. Существенный, и совершенно согласный съ цѣлымъ изслѣдованіемъ, смыслъ сего заключенія состоитъ въ томъ, что на Руси, въ старое время, по связи народа съ государствомъ, или земскаго элемента съ правительственнымъ, мало было и законовъ, касательно общественнаго права, и отдѣльныхъ управленій. Тѣже общества, которыя созидали положенія и установленія Права, служили единственными или преимущественными органами управленія. Въ новой же Россіи со время Петра, особенно съ его первой ревизіи произошелъ рѣзкій переворотъ во всѣхъ вопросахъ нашего Общественнаго права, ибо оно съ перемѣною значенія населенія и личности, стало вполнѣ казеннымъ, камеральнымъ, «полиціею, хотя и въ высшемъ значеніи слова», гдѣ уже дѣйствуетъ государство по преимуществу».

Оканчивая мой разборъ книги г. Лешкова, я считаю долгомъ заявить, что книга сія составляетъ истинное и важное пріобрѣтеніе учено-исторической отечественной литературы, какъ по важности и новости вопросовъ, поднятыхъ авторомъ, такъ и по вѣрному и обстоятельному рѣшенію сихъ вопросовъ. Авторъ, въ своей книгѣ, обо многомъ заговорилъ у насъ первый, многому самъ пролагалъ дорогу, и многое рѣшилъ, не смотря на новостъ предмета, такъ удовлетворительно, что при настоящемъ состояніи источниковъ, болѣе удовлетворительнаго рѣшенія и ожидать нельзя. Исторія общественнаго права въ Россіи настоящимъ трудомъ г. Лешкова заразъ стала на такую точку значенія, какой другіе отдѣлы исторической науки достигали въ нѣсколько пріемовъ; и по крайнему моему убѣжденію Императорская Академія Наукъ вполнѣ удовлетворитъ справедливости, ежели присудитъ г. Лешкову полную Уваровскую премію.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

А. ЭНГЕЛЬМАНА,

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ РУССКОЙ И ЛИВОНСКОЙ ИСТОРИИ

XIII и XIV столѣтій;

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ **М. И. ПОГОДИНЫМЪ.**

Во множествѣ пустыхъ, заносчивыхъ, бесполезныхъ умничаній о Русской исторіи, которыя ни сколько не объясняютъ ея, а развѣ запутываютъ, хоть и не на долго, отраднo встрѣтиться съ трудомъ добросовѣстнымъ, основательнымъ, дѣльнымъ, какъ бы ни частень былъ его предметъ. Такое пріятное чувство возбуждаютъ Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи, въ XIII и XVI столѣтіяхъ, сочиненіе Августа Энгельмана, изданныя братомъ его Иваномъ Энгельманомъ, авторомъ изслѣдованія о Псковской судной грамотѣ.

Тщательное изученіе источниковъ, напряженное вниманіе ко всякому значительному слову, подборъ всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, благоразумная осторожность въ выводахъ, употребленіе различныхъ остроумныхъ приѣмовъ для повѣрки — вотъ отличительныя достоинства этого сочиненія, которое доставляетъ наукѣ нѣсколько положеній, если не блистательныхъ, то вѣрныхъ, нужныхъ для дальнѣйшихъ ея успѣховъ.

Въ введеніи авторъ, стараясь доказать важность хронологіи для исторіи, предлагаетъ нѣкоторыя замѣчанія, кои показываютъ, какъ глубоко вникалъ онъ въ историко-критическое дѣло, какъ хорошо понималъ различные его моменты, и какъ былъ къ нему искренно привязанъ.

Въ примѣръ приведемъ слѣдующія замѣчанія: «Кромѣ прямого приложенія хронологіи къ тѣмъ или другимъ вопросамъ исторіи права, хронологическія изысканія, какъ нельзя лучше, приучаютъ къ точности и отчетности въ разрѣшеніи историческихъ (слѣдовательно и историко-юридическихъ) вопросовъ вообще, и, поведенные какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить вѣрнымъ ручательствомъ умѣнія изслѣдователей не только строить историческое зданіе, но строить его прочно и на твердомъ фундаментѣ». (стран. 13.)

«Открытіе новыхъ лѣтописныхъ извѣстій или изслѣдованіе прежнихъ можетъ повести» (къ переменамъ нѣкоторыхъ историческихъ положеній). «Въ этомъ мы видимъ не только общую участь, но и желательное слѣдствіе всякаго историческаго труда, и страсть къ «последнему слову» въ области науки, по нашему убѣжденію, есть злѣйшій врагъ истинно-ученаго успѣха». (стран. 14.)

Это голосъ опытнаго изслѣдователя, который много занимался, много думалъ! Такія воззрѣнія пріобрѣтаются не вдругъ, и бываютъ плодомъ лишь долгой, усиленной работы надъ источниками.

Въ введеніи авторъ доказываетъ важность хронологіи для исторіи примѣрами: 1) Новгородской купчей 1631 года, которою, вслѣдствіе неправильнаго хронологическаго пониманія, доказывалась дѣйствительность договоровъ безъ явки, (стран. 2 и проч.) 2) Договоромъ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Нѣмецкими городами, въ которомъ долгое время видѣли два договора, уничтоженные по хронологическимъ соображеніямъ (стран. 4 и проч.) Здѣсь опровергается подробно неосновательное утвержденіе г. Соловьева, будто въ сохранившемся на Латинскомъ языкѣ проэктѣ договора Ганзейскихъ купцовъ съ Новымъ-городомъ мы имѣемъ настоящій, самостоятельный договоръ, (стран. 4 и проч.), и мнѣніе г. Андреевскаго, по которому этотъ проэктъ выдается за памятникъ 1269—1270 г.

Средоточіе изслѣдованія составляетъ договоръ Новгорода съ Нѣмецкими городами.

Изслѣдователи относили его къ разнымъ годамъ.

Кругъ — къ 1269.

Бунге — къ 12 $\frac{68}{9}$.

Тобиенъ, Андреевскій — къ 12 $\frac{70}{1}$.

«При такомъ разногласіи изслѣдователей, не излишнее», говоритъ авторъ, «будетъ подвергнуть новому пересмотру всѣ данныя этого хронологическаго вопроса, тѣмъ болѣе, что съ разрѣшеніемъ его могутъ быть повѣрены нѣкоторыя другія, соприкосновенныя съ нимъ данныя Русско-Ливонской хронологіи». (стран. 7.)

Авторъ начинаетъ изысканіе съ кончины В. К. Александра Невскаго, (13 Ноября 1263 года), послѣ котораго на Новгородскій столъ избранъ былъ меньшей братъ его, Тверской князь Ярославъ Ярославичъ, и сѣлъ 27 Января 1264 года.

Въ договорной его грамотѣ съ Новымъ-городомъ значутся посадникъ Михаилъ и тысяцкой Кодратъ.

А въ изслѣдуемомъ Нѣмецкомъ договорѣ значутся посадникъ Павша и тысяцкой Ратиборъ.

Павша избранъ по убіеніи Михаила на Раковорскомъ сраженіи, въ субботу сыропустную, Февраля 18, слѣдовательно въ 1268 году, а не 1269, какъ ошибочно означено въ Новгородской лѣтописи.

«Эта ошибка въ годъ Раковорской битвы возбуждаетъ вопросъ», говоритъ авторъ, «вѣрно ли ведена въ лѣтописи хронологія слѣдующихъ за тѣмъ событіи (стран. 18), не уходитъ ли она вообще годомъ впередъ?»

И дѣйствительно, повѣря слѣдующія событія, онъ находитъ, что солнечное затмѣніе помѣшено подъ 1271 г. вмѣсто 1270, и смерть архіепископа Далмата въ 1274 г. вмѣсто 1273.

«Отъ чего же», заключаетъ авторъ, (стран. 19), «казалось бы не принимать, что и прочія годовыя цифры изъ той эпохи под-

врглись въ лѣтописи вліянію той же ошибки, такъ что, сбавивъ съ каждой по единицѣ, мы получили бы вѣрныя годы».

«Такое объясненіе», говоритъ онъ, «устранило бы съ разу многія затрудненія (?) Но невозможно принять его», продолжаетъ онъ, «потому что въ промежуткахъ есть и вѣрныя извѣстія, напримѣръ осада Пскова въ 1269 году, которую, по пространному разсужденію автора, (стр. 20), нельзя ни какъ отнести къ 1268 году».

Другое вѣрное извѣстіе о кончинѣ В. К. Ярослава Ярославича и рожденіи сына его Михаила въ 1272 году. (стр. 26).

Далѣе авторъ находитъ, что извѣстіе о затмѣніи поставлено не на своемъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего «и теряетъ свое основаніе выводъ, будто Ярославъ Ярославичъ уѣхалъ изъ Новгорода до 23 Марта 1270 года, и что слѣдовательно договоръ съ Нѣмцами заключенъ раньше этого срока». (стр. 28).

«И такъ изъ всего предыдущаго», говоритъ авторъ, «уже видно на этотъ разъ не состоятельность предположенія, объясняющаго хронологическую путаницу въ означенномъ мѣстѣ Новгородской I лѣтописи однимъ простымъ движеніемъ всѣхъ событій этой эпохи на годъ впередъ. Стало бытъ и способъ возстановленія надлежащей хронологіи, основанной на этой мысли, — убавленіе съ годовыхъ цифръ разсматриваемаго времени по единицѣ, — въ настоящемъ случаѣ не повель бы къ цѣли», стр. 28. («Въ другихъ случаяхъ этотъ способъ, какъ извѣстно, не рѣдко представляетъ достаточное средство къ возстановленію первобытной хронологіи лѣтописца»), (стр. 28).

И такъ надобно употреблять другія средства, чтобъ найти годъ договора.

Въ началѣ его упоминаются князь Ярославъ, посадникъ Павша и тысяцкій Ратиборъ.

Посадникъ Павша, какъ мы видѣли, избранъ въ 1268 году. Тысяцкій Ратиборъ назначенъ княземъ въ 1269 году до зимы.

Слѣдовательно, договоръ отъ имени сихъ трехъ лицъ не могъ быть написанъ прежде осени 1269 года.

И до окончательнаго отъѣзда Ярослава изъ Новгорода, то есть до второй половины 6778 года (отъ 1-го Марта 1270 до 28 Февраля 1271 года).

Заклучивъ такъ по Русской лѣтописи, авторъ переходитъ къ иностраннымъ источникамъ.

Есть грамота Оттона фонъ-Луттерберга, Мейстера Тевтонскаго ордена въ Ливоніи, городу Любеку, которою онъ проситъ отправить къ нему пословъ для заключенія договора съ Новгородцами, склонившимися на миръ послѣ осады Пскова.

Псковъ осадили рыцари въ 6777 году въ недѣлю всѣхъ святыхъ, то есть 19 Мая 1269, а по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, то есть въ Іюнѣ — отступили.

Слѣдовательно посольство не могло отправиться раньше конца лѣта или начала осени 1269 года.

Есть еще другая грамота Оттона, коею онъ благодаритъ пословъ за усердіе при заключеніи мира. Она писана въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ.

Въ которомъ же году писана эта вторая грамота?

Въ 1269 невозможно, ибо тогда Псковъ еще не былъ осажденъ.

Въ 1271 году невозможно, потому что тогда магистромъ былъ уже Нортекъ, слѣдовавшій за Вестфаленомъ, отъ котораго также есть грамота съ упоминеніемъ уже о покойномъ магистрѣ Оттонѣ, данная въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ.

Слѣдовательно вторая Оттонова грамота принадлежитъ къ 1270 году Апрѣля 21.

Слѣдовательно миръ заключенъ въ началѣ 1270 г. (стр. 34).

Я изложилъ ходъ изслѣдованія. Впродолженіи его авторъ долженъ былъ сдѣлать еще нѣсколько частныхъ изслѣдованій напримѣръ объ осадѣ Пскова Ливонцами (стр. 20), объ отъѣздѣ Ярослава Ярославича изъ Новгорода и рожденіи сына его Михаила Ярославича, (стр. 23 и проч.).

Вы видите, милостивые государи, что авторъ странствовалъ многими окольными дорогами, и сдѣлалъ много лишняго

пути, но онъ, вотъ что главное, дошелъ *до своей цѣли*, и путешествіе его — подъ часъ затруднительное, все-таки, поучительно. Въ оправданіе его сказать можно, что кратчайшій путь сразу не всегда угадать можно, и бродя ощупью по сторонамъ, съ вниманіемъ, всегда находишь что-нибудь полезное къ дѣлу, какъ случилось и съ авторомъ.

Кратчайшій и удобнѣйшій путь, какъ теперь видно, былъ бы слѣдующій:

Прежде всего нужно бы изложить грамоту, по крайней мѣрѣ, по колику она предлагаетъ данныя для опредѣленія своего времени, чего авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ, и тотчасъ обратиться къ упоминаемымъ въ ней лицамъ, кои суть: Ярославъ, посадникъ Павша, тысяцкій Ратиборъ.

Ярославъ былъ избранъ въ 1264 году, и отъѣхалъ окончательно изъ Новгорода въ началѣ 1271 года, или въ концѣ 1270.

Павша избранъ въ 1268 году.

Ратиборъ назначенъ княземъ въ 1269 году до зимы, и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ началѣ 1271 или въ концѣ 1270 г.

Слѣдовательно, по Русской лѣтописи, выходило уже, что договоръ съ Нѣмцами заключенъ въ 1270 году.

Ее нужно только провѣрить и опредѣлить точнѣе, что и исполняется Оттоновыми грамотами, какъ изъяснено выше, подтверждающими, что договоръ заключенъ въ началѣ 1270 г.

Таковъ былъ бы кратчайшій путь.

Вмѣсто этого авторъ съ самаго начала, то есть со дня Раковорской битвы, на которой палъ посадникъ Михаилъ, очистившій мѣсто Павшѣ, пускается въ изслѣдованіе соприкосновенной хронологіи Новгородской лѣтописи, и предположивъ бѣгство ея годомъ впередъ, отыскиваетъ доказательства своему предположенію, и потомъ отъ него отказывается, найдя нѣсколько бесспорно-вѣрныхъ показаній, и наконецъ нападаетъ на собственныя свои доказательства — о затмѣніи и кончинѣ Арх. Далмата.

Эта часть изслѣдованія — совершенно лишняя. Странно было

и попасть на мысль о длинномъ уходѣ въ лѣтописи на годъ впередъ, когда слѣдующій же годъ за Раковорскимъ описаніемъ есть уже правильный. (стран. 19.)

Авторъ сказалъ въ началѣ, что его предположеніе устранило бы разомъ многія затрудненія, но какія эти многія затрудненія, — онъ не объяснилъ.

Такъ точно и въ заключеніи о несостоятельности своего предположенія онъ говоритъ о хронологической путаницѣ, вызвавшей его предположеніе, а въ чемъ состоитъ путаница — онъ не объясняетъ.

Желательно было бы для полноты найти обзорѣніе прежнихъ доказательствъ 1269 и 1271 годовъ, по Кругу, Бунге и Тобиену.

Кончивъ свое тяжелое, и по мѣстамъ не ясное изслѣдованіе, авторъ представляетъ уже ясное обзорѣніе всѣхъ рассмотрѣнныхъ имъ событій въ ихъ послѣдовательности, гдѣ договоръ 1270 г. занимаетъ свое мѣсто (стран. 34 и проч.).

Ближайшее отношеніе къ симъ событіямъ имѣлъ Псковскій князь Довмонтъ, и авторъ обращается къ обстоятельному изслѣдованію объ его дѣйствіяхъ. «При чемъ», говоритъ онъ, (стр. 44), «сначала обозначимъ первоначальные источники позднѣйшихъ рассказовъ и значеніе заключавшихся въ нихъ данныхъ, а за тѣмъ укажемъ на измѣненія, какимъ эти данныя подверглись подъ перомъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и компиляторовъ». (стран. 44.)

Мы не станемъ излагать всѣхъ пріемовъ автора, какъ поступили для образчика съ договоромъ 1270 года, и засвидѣтельствуемъ только, что онъ исполнилъ свою задачу съ одинакимъ успѣхомъ. Благодаря его, мы знакомимся теперь короче съ важною дѣятельностію Псково-Литовскаго витязя, до его кончины. Хронологія сказанія объ немъ возстановлена удовлетворительно.

Точно тоже должно сказать и о нѣкоторыхъ событіяхъ, относящихся къ В. К. Александру Невскому, розобранныхъ

авторомъ тщательно, при чемъ онъ изслѣдуетъ мимоходомъ показанія многихъ Ливонскихъ источниковъ, на примѣръ о магистрѣ Андреѣ фон-Фельвенѣ, (стран. 132 и проч.), разныя вставочныя извѣстія Новгородской лѣтописи, напр. о Литовскихъ князьяхъ.

Эти изслѣдованія вошли эпизодически въ «разсужденіе: о Новолѣтіяхъ въ Ливоніи въ XIII и XIV столѣтіяхъ», гдѣ доказывается, что между актами уроженцевъ Ливонскихъ до самаго конца XIII столѣтія господствовало счисленіе благовѣщенское— съ 25 Марта.

Къ изслѣдованіямъ приложены: перечень событій въ хронологическомъ порядкѣ, весьма тщательно составленный, съ указаніемъ страницъ, гдѣ объ оныхъ въ книгѣ упоминается. Эта необходимая принадлежность всякаго ученаго сложнаго труда, о коей у насъ еще мало заботятся. Замѣтимъ только, что напрасно не введены въ перечень извѣстія о распрѣ В. К. Ярослава Ярославича съ Новгородцами и нѣкоторыя событія изъ жизни Довмонтовой, разобранныя въ изслѣдованіи.

Второе приложеніе составляютъ списки великимъ Магистрамъ Тевтонскаго ордена, Ландмейстерамъ Прускимъ, Гермейстерамъ и Маршаламъ Ливонскимъ, капитанамъ Ревельскимъ, Архіепископамъ Рижскимъ, Епископамъ Дерптскимъ и Ревельскимъ, — списки, значительно дополненные и исправленные авторомъ въ теченіе его изслѣдованія.

Изданіе заслуживаетъ полной хвалы, кромѣ нѣкоторыхъ опечатокъ, впрочемъ не многихъ, оговоренныхъ въ предисловіи, на примѣръ стран. 27, г. 6719 вм. 6779, стран. 34 Апрель 27 вм. 21, стран. 62—128⁸/₉ вм. 129⁸/₉.

Заключаю: изслѣдованіе г. Енгельмана приноситъ существенную пользу Русской Исторіи, опредѣляя съ точностію время многихъ событій, приводя въ порядокъ различныя ихъ обстоятельства, провѣряя показанія Русскихъ лѣтописей, освѣщая дѣятельность примѣчательныхъ историческихъ личностей

на примѣръ, В. К. Александра Невскаго, Ярослава Ярославича, Дмитрія Александровича, Лотивскихъ князей Довмонта, Миндовга, Герденя и проч.

По всѣмъ симъ достоинствамъ я почиталъ бы сочиненіе г. Энгельмана достойнымъ полной Уваровской преміи, еслибъ на сей годъ не было соискателей съ трудами болѣе значительными по своему предмету и болѣе обширными по своему содержанию. Въ настоящемъ же случаѣ смѣю ходатайствовать о преміи половинной, на которую почтенный ученый, столь рано похищенный смертію, и его достойный издатель и сотрудникъ, имѣютъ совершенное право.

315946

315 948

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Отчетъ о третьемъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ <i>К. С. Веселовскимъ</i>	1—14
Разборъ сочиненія <i>Г. Лешкова</i> , подъ заглавіемъ: Русскій народъ и государство, исторія Русскаго общественнаго права до XVIII вѣка, составленный Профессоромъ <i>Ив. Дм. Бѣляевымъ</i>	15—64
Разборъ сочиненія <i>А. Энгельмана</i> , подъ заглавіемъ: Хронологическія изслѣдованія въ области Русской и Ливонской исторіи XIII и XIV столѣтій, составленный Академикомъ <i>М. П. Погодинымъ</i>	65—75

